

НАВАРИНСКАЯ

БИТВА

ИЛИ

РЕНЕГАТЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

СОЧИНЕНІЕ Г. МОКА.

ПЕРЕВЕДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

Орестъ Соловѣ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

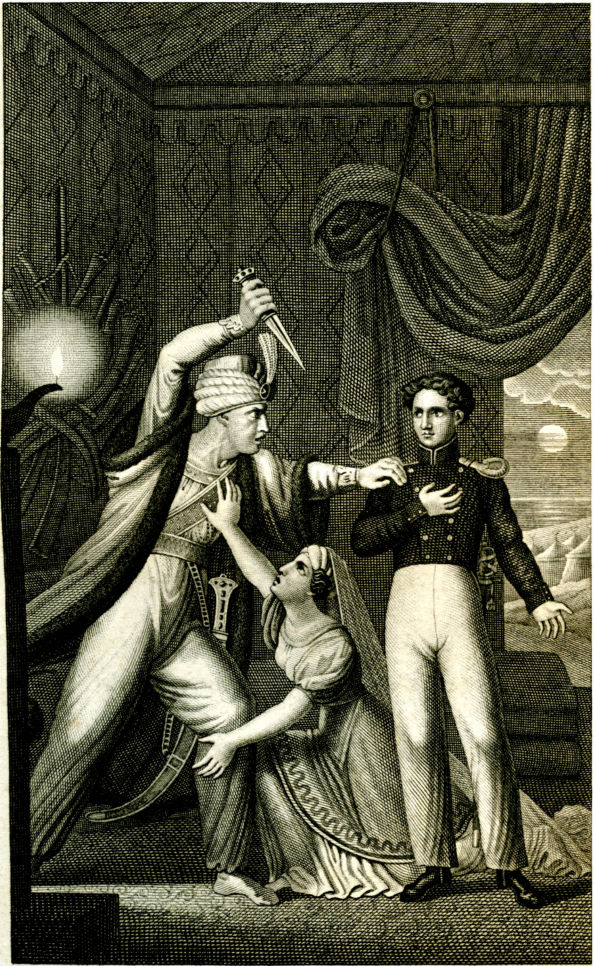
ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФИИ Х. ГИЦЕ.

1831.

НАВАРИНСКАЯ БИТВА

ИЛИ

РЕНЕГАТЪ.

НАВАРИНСКАЯ

БИТВА

ИЛИ

РЕНЕГАТЪ.

Историческій Романъ,

Сочиненіе' Г. Мюка'.

Перев: съ Французскаго

Врестъ Соловъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1851.

НАВАРИНСКАЯ

БИТВА

ИЛИ

РЕНЕГАТЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

СОЧИНЕНІЕ Г. МОКА.

ПЕРЕВЕЛЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

О р е с т ь С о м о в ъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ Х. ГИНЦЕ

1831.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по выпускѣ изъ типографіи представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ Октября 10 дня 1830.

Ценсоръ В. Семеновъ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ
ОТЪ
ПЕРЕВОДЧИКА.

Событіе, послужившее основою сему роману, будетъ навсегда незабвенно въ военныхъ лѣтописяхъ нашего Опечеснва. Человѣколюбивая и благопворная полипика Императора Николая I, подвигла двѣ изъ сильнѣйшихъ Державъ, союзныхъ съ Россією, къ дѣяпельному и рѣшипельному соучаспію въ испинно-Хриспїанскомъ дѣлѣ освобожденія Греціи. Флопы Англійскій и Французскій, совокупно съ Російскимъ, уничпожили морскую силу Паши Египепскаго, имѣвшую явное преимущеснво какъ

превосходнымъ числомъ своихъ кораблей, такъ и выгодами мѣспными: ибо ей вспомошествовали, ее защищали и пвердыни Наваринскія, и укрѣпленный оспіровъ Сфакперія. Но послѣдствія знаменипаго сего морскаго побоища явили новое торжеспво Кресапа надъ поблѣднѣвшюю Лулою. Новый рядъ побѣдъ, свѣжіе лавры погда уже засѣяны были для армій и флоповъ Царя Россійскаго: славный Адрианопольскій миръ былъ рѣшеніемъ задачи, копорой данныя всякому Рускому не прудно было разгадапъ при самомъ началѣ.

Мы пользуемся нынѣ счасплыми плодами сихъ побѣдъ, дарованныхъ Россіи Богомъ и Великодушнымъ ея Монархомъ. Отчеспво наше возвеличено новою славой, ограждено повыми границами. Орлы наши пе-

релешѣли чрезъ Арарашъ и Балканы. Безспрашные наши мореходцы врывались въ неприступные города и опиражали силы, болѣе нежели въ десять крапъ превосходнѣйшія. (*) На спѣнахъ Наваринскихъ неизгладимо начертаны бомбами Рускими подвиги Графа Гейдена и храбрыхъ его сподвижниковъ. Адмиралъ Кодрингтонъ, главное дѣйствующее лице кровавой Наваринской драмы, нынѣ любезный госпъ Пешпрополя(**), съ чистосердечіемъ Героя подтверждаетъ снова пѣ искреннія похвалы Россійскому морскому ополченію, каковыя онъ засвидѣтельствовалъ уже предъ лицомъ свѣта въ своихъ донесеніяхъ.

Воспоминаніе о бипствѣ Наваринской льститъ въ особенно-

(*) Г. г. Зайцевскій и Козарскій.

(**) Писано было осенью 1830 года.

спи народному самолюбію Рускихъ. Испорія и Поэзія съ одинакимъ рвеніемъ передадутъ попомспву память сего славнаго событія, служившаго какъ бы прологомъ событій еще важнѣйшихъ, ушвердившихъ на прочномъ основаніи будущую, счастливейшую судьбу единовѣрной намъ Греціи. — Переводчикъ надѣялся угодишь своимъ соотечесивенникамъ, передавъ на Рускомъ языкѣ одно изъ пѣхъ созданій воображенія, въ копорыхъ Наваринскій бой занимаетъ главное мѣсто карпины.

Еъ романъ, коего переводъ мы представляемъ на судъ публики, особенно замѣчательенъ характеръ Гассана, Француза-Ренегата, хорошо очершанный и мѣспами сильно выраженный.

Лице сіе изъ числа пѣхъ, на копорыхъ почти полувѣковая превожная жизнь Европы положила печать свою, и копорья преврапностями полиптическими, или собспвенными заблужденіями, разсѣяны по лицу земли и спали въ рядахъ войскъ даже самыхъ варварскихъ, полудикихъ. Перемѣна вѣры, принятіе Магомешанспва, опвергаемаго ихъ умомъ, чувспвомъ и прежними привычками, и опъ того какая-то скрыпность и спранность въ дѣйспвіяхъ и поступкахъ, необходимо набрасываюпъ на сіи лица нѣкопоруоу таинспвенность, весьма благопріятную для намѣреній Романиспа. — Морская битва при Наваринѣ описана такъ же сообразно съ цѣлью, приняпою Сочиніпелемъ, копорый, кажеспя, очень хорошо попьялъ, что онъ

Романистъ, а не Историкъ, и слѣдовательно въ правѣ былъ измѣнять событія, или пворить новыя, не опасаясь за то упрека. — Люди разсудительные также простили его за нѣкоторое приспращіе къ Французамъ, и за то, что они вездѣ являющіяся у него на первомъ планѣ. Авпоръ самъ Французъ: посему слава и воспоминанія его опчизны, его единоземцевъ, ближе всего были къ его сердцу. Приспращіе къ своему опечесвенному не только извинительно, но и похвально. Писатель Рускій конечно попустилъ бы также въ подобномъ случаѣ.

ГЛАВА I.

Посланный отъ Ибрагима Кьюпай Бей, возвращался изъ Александріи въ Каиро. Онъ осматривалъ флотъ и войска, готовылъ къ отплытію въ Морею, и на челъ его напечатывались безпокойство и заботы. Онъ не хотѣлъ ни пищи, ни отдыха, и еще пыль спранника покрывала его одежду, когда онъ явился предъ Пашею.

Черные глаза стараго Али устремились на Бей; печаль, прочитанная имъ на лицъ Кьюпая, перешла въ его душу. Онъ подалъ знакъ: невольники удали-

лись, и онъ оспался одинъ съ посланникомъ своего сына.

Паша лежалъ на бархатныхъ подушкахъ. Чубукъ его кальяна вынулъ изъ его руки. Онъ спремительно приподнялъ голову и взоръ его сказалъ Бейю: « говори! »

Кьюшай повергся челомъ на землю. « Жизнь раба, » молвилъ онъ, « принадлежитъ его господину: осмѣлился ли онъ говорить ложь? Паша! сердце сына твоего разорвется, когда онъ увидитъ, какую помощь ты ему посылаешь. »

Глубокая морщина явилась на покрытомъ рубцами челѣ Али-Могаммеда. « Или ты хочешь, » сказалъ онъ, « чтобы я остался одинъ? Но пускай такъ: по природѣ, отецъ долженъ съ охотою лишаться себя всего для дѣшей своихъ. Требуй смѣло, что нужно для Ибрагима. »

Кьюпай снова поклонился въ землю. «Великодушнѣ льва равно его силѣ,» молвилъ онъ. «Но какой человекъ осмѣлился предписывать законы своему власпишелю!

— «Я пошлю ему еще четыре тысячи человекъ пѣхоты и тысячу артиллеристовъ. Довольно ли?»

— «У насъ и такъ уже много людей, а Морей сирана скудная.

— «Чего жь ты хочешь?»

— «Триста Нубійскихъ всадниковъ охраняютъ пивой дворецъ,» отвѣчалъ Бей, не подымая глазъ на своего господина, «кони ихъ быстры и сабли остры: они больше внушаютъ страха Греціи, чѣмъ тысяча артиллеристовъ и четыре тысячи пѣшихъ воиновъ.

— «Триста всадниковъ отправятся туда; сынъ мой дастъ имъ начальника: Гассанъ-Бей останется при мнѣ.

— «Рабъ долженъ молчать, когда господинъ го говоришь,» сказалъ Кьюшай.

Брови Паши нахмурились и взглядъ его привелъ въ трепетъ дерзновеннаго Бея. Съ минушу онъ, казалось, оставался въ нерѣшимости. «Такъ ты хочешь взять и моего Гассана?» промолвилъ онъ пошомъ голосомъ важнымъ и глухимъ.

— «Рука ничего не можетъ безъ головы, а Гассанъ рука и сердце своихъ рапниковъ.»

Али размышлялъ нѣсколько времени о просьбѣ посланника. «Дѣло идетъ о швоей головѣ,» сказалъ онъ наконецъ: «Гассанъ имѣетъ душу непреклонную; можетъ бытъ, онъ откажетъ мнѣ. . . Если откажетъ, то онъ умретъ не одинъ.»

Кьюшай сложилъ руки крестомъ на груди своей и преклонилъ голову въ знакъ своей покорности.

Папа подалъ ему знакъ уйши: ничье ухо не должно было слышать того, что скажетъ ему храбрый Гасанъ.

ГЛАВА II.

Черезъ нѣсколько минутъ по уходѣ Кыюпая, воинъ былъ введенъ въ диванъ Паши. То былъ одинъ изъ нѣхъ людей, коихъ видъ обличаетъ душу сильную и спраспи пылкія. Подчиненный самовластному повелителю, какъ все живущіе на землѣ рабства, онъ могъ повиноваться; но не сгибаться; и видя его, всякъ чувствовалъ, что никогда чуждая воля не въ силахъ была преклонить мощную волю, одушевлявшую сіе высокое чело, сіи брови, темныя какъ ночь. Чалма его, шуба и кривая сабля, по видимому, возвращали въ немъ

Мусульмана. Совсѣмъ шѣмъ мужес-
ственные и правильныя черты лица
показывали въ немъ сына Европы; кожа
его, хотя загорѣвшая отъ пусыннаго
солнца, не была оливковаго цвѣта,
опмичающаго Африканцевъ; и въ ве-
личавой его походкѣ, въ его движені-
яхъ, исполненныхъ благородства, вы-
казывалась какая-то воинская правиль-
ность, свойственная только жителямъ
Запада, и какая-то спокойная гордость,
выдающаяся изъ-подъ всякой одежды и
во всѣхъ странахъ, куда они заброшены
судьбою, — сыновъ одной націи и вои-
новъ одной арміи.

Онъ поклонился Али и положилъ
руку на сердце. «Приблизься, Гассанъ,»
сказалъ Паша, «и сядь на этихъ по-
душкахъ. Ты все еще спрадасшь отъ
ранъ?»

— «Нѣтъ,» отвѣчалъ онъ: «я не
пиррадаю болѣе... отъ моихъ ранъ.»

— « Ты проливалъ кровь за меня, храбрый Гассанъ: Вехабиты въ степяхъ своихъ и Нубійцы въ ихъ горахъ извѣдали остріе швоей сабли: пошому я болѣе имѣю къ тебѣ вѣры, нежели ко всѣмъ прочимъ Франкамъ. Отвѣчай же мнѣ чистосердечно: зачѣмъ швои единоземцы такъ упорно не хоняшъ драшья съ мяшежниками Морей? »

Говоря это, старый Паша усшренилъ испышующій взоръ на война.

— « Али, » отвѣчалъ холодно Бей: « я не могу удовлетворительно отвѣчать на швой вопросъ. Вѣра, восшминанія, жалосшь, вошь причины, мошущія различно дѣйшвовашъ на людей.

— « А ты, Гассанъ, почему принимаешъ участие въ эшихъ Морешахъ? »

— « Пошому, что они мяшежники, » о швѣчалъ воинъ.

Папа вздрогнулъ. «Гассанъ,» молвилъ онъ:» по этому ты не хочешь сражаться за моего сына?»

Бей отрицательно попрыскалъ головою.

— «А если бъ я тебѣ приказалъ?» продолжалъ деспотъ, блѣднѣя отъ гнѣва.

— «Я бы не повиновался,» отвѣчалъ Гассанъ.

Все волненіе Али исчезло. Онъ снова спалъ спокоенъ, ибо мщеніе его было рѣшено. «Алла да спасетъ тебя, Гассанъ!» сказалъ онъ.

Воинъ вспалъ и спустилъ нѣсколько шаговъ къ выходу изъ комнаты. Подоседа къ богатому ковру, которымъ задернутъ былъ входъ въ диванъ, онъ обернулъ голову и взоры его встрѣтились со взорами ширана, обращенными на него съ выраженіемъ свирѣпости. Ему нельзя было не догадаться объ ожидавшей его участи; и если

спарый Али досшунснть спраху, шо долженъ былъ самъ препенать въ сіе мгновеніе, ибо при немъ не было ни спражи, ни невольниковъ для удержанія руки Европейца.

Однако жъ Гассанъ не покусился мспнть за себя: онъ былъ равнодушень къ жизни и попть, кшо не проспнлъ бы за оскорбленіе, легко проспнлъ за смершный свой приговоръ. Онъ приподнялъ коверъ и хоптъль выйтн. «Поспой,» сказалъ Паша: «не думай, чшобъ я обманулъ швоими рѣчами. Ты боишься своихъ еднпоземцевъ, Гассанъ. Вотъ почему шы опказываешься.

— «Папа,» опвѣчалъ Бей, улыбноувшнсь горькою улыбкой: «если бъ я предалъ шебъ мою руку на пагубу сего беззашншнаго народа, шо дверь моей опчнзны снова бы опнерлась для меня, и кровь Грековъ оправдала бы Ренегаша въ глазахъ Хрнстнанъ.

— « Ошибаешься, Гассанъ. Англія и Франція присовокупились къ Россіи и ополчаются на насъ. Флоты ихъ намъ угрожаютъ и сынъ мой въ опасности.

— «Франція!» сказалъ измѣнившимся голосомъ безспрашный Бей: «и развращенная Франція то же! Нѣтъ! это не можешь быть.

— «Прочти,» сказалъ Паша, и подалъ ему бумаги, кои держалъ спря-
шанныя на груди.

По мѣрѣ, какъ воинъ читалъ, судорожный трепетъ пробѣгалъ у него по членамъ. «Спыдъ и посрамленіе знаменамъ ихъ!» вскричалъ онъ наконецъ: «то не знамена Франціи! Пошли пеперь меня въ Морею. Я умоляю тебя о помъ: я опомщу за тебя.

— «Флотъ опылываетъ черезъ при-
дня,» сказалъ Паша.

— «Три дня! сколько пошери вре-
мени!» Паша улыбнулся. «У тебя есть

гаремъ, » молвилъ онъ. Попомъ, принявъ видъ важный, продолжалъ: « Бери въ моей казнѣ все, что хочешь; что бы ни въ чемъ не было недоспашка ни тебѣ, ни пвоей конницѣ.

— « Ни въ чемъ не будешь имъ недоспашка, » отвѣчалъ Гассанъ: « ни мнѣ, когда мы спанемъ лицомъ къ лицу передъ непріятелемъ. »

Онъ вышелъ по сихъ словахъ. Паша долго хотѣлъ быть одинъ послѣ его ухода.

ГЛАВА III.

Какъ скоро Гассанъ-Бей возвратился въ Мавришанское зданіе, служившее ему жилищемъ, то велѣлъ позвать къ себѣ свнуха, надзирающаго его гарема. На сей призывъ, долго и нищечно ожидаемый, невольникъ прибѣжалъ предъ своего господина. Лице сего невольника, опиврапипельно-низкое и до срока устарѣлое, выражало въ потъ мигъ радость удовлетвореннаго честолюбія и надежду корысти. Онъ повергся передъ Беемъ и въ молчаніи ждалъ, когда сей удостоитъ его словомъ.

— « Огуль , » сказалъ воинъ , « ты
накупилъ для меня женщинъ .

— « Такъ точно , повелитель , » опи-
вѣчалъ евнухъ , вздрогнувъ отъ удо-
вольствія .

— « Молоды ли онѣ , пригожи ли ?

« — Всѣ чудной красоты , повели-
тель . Гуріи Пророка не красивѣе ихъ .

— « Ты позаботился также о ихъ
нарядахъ ? »

Невольникъ мало по малу вспалъ ,
« Я увѣренъ , » сказалъ онъ , выпрямя
совсѣмъ голову , « что твоя Свѣтлосць
будетъ мною довольна . Воцѣ ужь при-
мѣсяца , какъ ты сюда возвратился ,
и я съ неперыбіемъ ожидалъ минуты ,
когда тебѣ угодно будетъ осведомиться
о моихъ дѣлахъ . Жены , наряды , не-
вольницы . . . . смѣю надѣяться , все
это порадуетъ глаза самые разборчи-
вые .

— «Хорошо, Огуль; и шебъ конечно непрудно. буденъ сбьшь все эпо съ рукъ. . . Если до изпеченія прехъ дней все буденъ продано, и денги выручены, ты свободенъ. Если нѣтъ, ты околѣешь подъ налками.»

При сихъ неожиданныхъ словахъ, свнухъ какъ будпо окаменѣлъ. Онъ подумалъ, что либо господинъ его разорился опъ нечаянной опалы, либо онъ замышляетъ возвратиться на свою родину.» Разпродавъ все,» повпорилъ онъ почти машинально. «Ахъ если бы Свѣтлоснъ пволя увидѣла двухъ Черкешанокъ . . . и пѣхъ дѣвъ съ оспрова Хіо . . . и шу Майношку!

— «Дѣву Майны!» вскричалъ вопнъ съ душевнымъ волненіемъ. «Гдѣ она?»

— «Повелителъ! позволь рабу пволю ему весни шебя.

— «Пѣтъ,» молвилъ Бей: «приеди се сюда.

— « Сюда, повелишель! здѣсь другіе глаза, кромѣ пвоихъ . . . .

— « Повинуйся, рабъ! »

Съ пррпепомъ и попуупленной головою Огуль пошелъ за несчастною Гречанкой, вздыхая шайкомъ о непоняпномъ намѣреніи своего господина, но не смѣя даже и мыслью воспсавать пропивъ его повелѣній.

По коропкомъ опсупшсвїи, онъ вошелъ снова; за нимъ шла женщина, укупанная покрываломъ; онъ бросилъ заботливый взглядъ на занавѣсы оконъ и на обои комнапы и поспѣшно вышелъ вонъ, оспавя своего господина наединѣ съ невольницей, имъ приведенной.

Гассанъ-Бей задумчиво и молчаливо тихими шагами прохаживался по комнашѣ. Онъ не оспановилъ взоровъ своихъ на юной Гречанкѣ: горькія воспоминанія занимали его совершенно, и преданный въ добычу жестокому вол-

ненію, онъ хопѣлъ только избавишься
опѣ тяжкихъ думъ, лежавшихъ у него
на душѣ. Сначала онъ едва замѣкнулъ
присущствіе шой, копорую призывалъ
къ себѣ. Когда онъ освободился на-
онецъ опѣ своихъ размышленій, по
увидѣлъ Гречанку, сѣвшую на софѣ,
не ожидая его повелѣній. Длинное по-
крывало ея и влачащаяся одежда со-
вершенно ее скрывали опѣ глазъ: со
всѣмъ пѣмъ можно было замѣшнпъ,
чпо осанка ея показывала въ ней не
рабу, и благородство сей осанки по-
разило взоръ воина.

Онъ оспановился передъ нею, и го-
лосомъ, въ копоромъ была какая-по
пріятность, сказалъ ей на шой смѣси
языковъ Испальянскаго, Греческаго и
Арабскаго, копорая въ употребленіи
во всѣхъ приморскихъ городахъ Вос-
пока: «Какъ мы будемъ понимашь
другъ друга?»

— «Ты можешь говорить со мной по-Французски, Гассанъ-Бей», отвечавчала она: «мнѣ знакомъ языкъ сирены, покинутой побоею.»

Бей вздрогнулъ. Еще впервые послѣ долгаго времени звуки опечесивеннаго языка раздавались въ его ухахъ. Не то, чтобы не было другихъ Французовъ въ городахъ и въ шаирахъ Пани; но Гассанъ избѣгалъ ихъ, подобно какъ орелъ избѣгаетъ соеденна другаго орла.

Гордый и презрительный тонъ юной Морсопки оскорбилъ его; но волшебство природнаго языка выудило слезы изъ глазъ Француза-изгнанника. Сладостны были сіи слезы, какъ мысль о родинѣ; но сожалѣніе, похожее на укоры совѣсти, скоро ихъ оправдало.

Однако же сильная душа Гассанова умѣла преодолѣть волненіе и скрыть свое сираданіе. Онъ снова принялъ о-

санку господина, и бросивъ на юную Гречанку взоръ повеличельный, спросилъ у нея: » Ошкуда ты?

— « Изъ Майны, » ошвѣчала она гордымъ и вмѣстѣ болѣзненнымъ голосомъ. « Я дѣва Лакедемонская, »

Есть въ обломкахъ Греціи воспоминанія столь великія, что они удивляютъ и покоряютъ всю нашу гордость, все наше высокомеріе. « Лакедемонъ! » повпорилъ воинъ и, не думая о томъ, надменный Гассанъ пошунилъ глаза предъ своею невольницей. « Говорятъ, что потомки Спаршанцевъ умбуютъ еще сражаться », продолжалъ онъ въ задумчивости: « что они дошшойны помѣряются съ нами. »

Юная дѣва, оскорбленная такимъ сравненіемъ, ошкинула покрывало назадъ; ибо чувство народной чести изгладило въ ней робость дѣвы и страхъ невольницы. Благородное, величавое

лице ея, хощя горесць и оставила на немъ глубокіе слѣды, выражало въ сей мигъ негодование оскорбленной Царицы, большіе черные глаза ея, какъ бы бросали молніи. «Гассанъ,» сказала она: «Майнопцы люди свободные, а твои сподвижники — рабы.

— «Я не ожидалъ такихъ рѣчей изъ успы плѣнницы,» отвѣчалъ воинъ: ибо сильное впечатлѣніе, произведенное въ немъ видомъ юной Гречанки, не могло совершенно покорить его гордость.

— «Ты правъ: я плѣнница,» отвѣчала она. «Руки мои были скованы, плѣло продано. Но мысль моя, воля, сердце остались свободными. А ты, Гассанъ, не успыдившійся упрекнуть женщину злоупотребленіемъ силы, котораго она была жерпвою, позволишь ли сравнить себя со мною? И у себя еспы господинъ, но тебя дали его твои спраси, и ты продалъ ему

даже душу свою. Рѣши псперь, кпо болѣе изъ насъ долженъ краснѣть за свое порабощеніе!»

Поздри Гассана напряглнсь, чело покрьлось морщинами и губы задрожали. «О, если бы ты была мужчиной!» вскрикнулъ онъ, панесши руку на свою саблю:» если бы самый храбрѣйшій изъ швоихъ Грековъ осмѣлился выпустипть изъ рта хоть одно слово изъ пѣхъ, копорья дозволилъ я тебѣ выговорить безнаказанно!»

Она бросила на него взоръ презрѣнія. «И ты думаешь, свирѣпый Бей, чпо кпо-либо изъ моихъ земляковъ захотѣлъ бы перевѣдаться съ побой на сабляхъ? Нышь, Гассанъ: ружье Майнопа никогда не дѣлаешь промаха, и шолько это оружіе Христіанннъ удошновашень употреблншь прешивъ Ренегана.»

Не разъ уже, возвращаясь мыслью въ прошедшее, Гассанъ чувствовалъ, что сердце его наполнялось горечью; но то была тайна, которую гордость его умѣла скрывать отъ всѣхъ людей. Ни чей еще глазъ не подмѣпилъ на челѣ его краски стыда, ни во взорахъ его робости разкаянiя. Онъ опеступилъ назадъ: всѣ соприкоснутыя спраспи волновали вдругъ его душу и отражались на лицѣ его.

Неподвижна передъ нимъ, столь же прекрасна, но и столь же блѣдна, какъ мраморныя богини, изящные памятники генiя Греціи и того божественнаго огня, который погасъ вмѣстѣ съ вѣками героическими, юная Лакедемонянка смотрѣла въ молчанiи на Бей. Она видѣла, что онъ измѣнился въ лицѣ и въ осанкѣ — и не устрашилась. Гассанъ-Бей могъ ей внушить только состраданiе.

Онъ скоро успокоился. Успыдившись того, что явился чувствительнымъ къ упрекамъ невольницы своей, онъ сѣлъ подлѣ нея и сказалъ съ вынужденною улыбкой: «Дѣва Майны! если пули земляковъ пивохъ мѣпки, то я хочу насладиться немногими днями, остающимися мнѣ на свѣтѣ, пока Морей не спала моимъ гробомъ. Ты прелестна, горделива; ты говоришь языкомъ, сладостнымъ для моего слуха. Мнѣ кажется, что часы ожиданія при тебѣ быспро пронссуся.»

Она опустила свое покрывало, не давъ отвѣта. «Выслушай меня,» продолжалъ воинъ: «чрезъ три дня я отправляю Каиро. Три дня бездѣйствія покажутся мнѣ вѣками: я хочу ощѣлаться опгъ воспоминаній и предчувствій. Посвящи мнѣ сіи три дня: на четвертый ты будешь свободна.»

— « Гассанъ, » опивчала юная дѣва:
« я пивоя невольница, и должна шебѣ
повиновашься. »

Она не сказала болѣе ни слова; но
глухой голосъ ея, невсвещный вы-
говоръ, спроргій и холодный шопъ еихъ
рѣчей ясно говорили, что Бей имѣлъ
власпъ только надъ шѣломъ жершвы,
покоршвующей своему жребію. Слезы
могли бы его пронунъ, просьбы
могли бы смягчншь; но гордая Лакс-
демонянка не удостоила его изироше-
ніемъ пощады. Она могла понесши о-
скорблене и умереть; но не могла
умолять господина.

— « Женщина высококомѣрная! » съ бѣ-
шенешвомъ вскрикнулъ воинъ: « я воз-
дамъ шебѣ ненавншью за ненавншь,
и презрѣніемъ за презрѣніе. » И сильно
сшукнувъ ногою обѣ ноги, онъ вызвалъ
чунькаго евнуха, внимательнаго къ ма-
лѣйшему знаку. « Огудѣ, » сказалъ онъ:

« уведи эту невольницу и продай ее какъ и другихъ. Цѣна ея можетъ послужить на покупку гибели ея опчизны.»

Она вспала въ молчаніи и послѣдовала за евнухомъ; но не успѣла еще выйти, какъ Гассанъ призвалъ ее обратно: онъ удивлялся тому, что грубо говорилъ слабому, безпомощному творенію. « Я слишкомъ былъ спрогъ, » молвилъ онъ: « мнѣ бы должно было пренебречь своими обидными рѣчами и пощадишь въ лицѣ своемъ несчастіе. Чѣмъ могу загладить мою несправедливость?»

Она помолчала съ минутою, и потомъ отвѣчала: « Что сдѣлалъ бы ты для Француженки, попавшей въ неволю?»

— « Понимаю, юная дѣва; ты увидишь снова Морею. »

Она запрепешала и упала безъ чувствъ.

ГЛАВА IV.

Евпухъ пропянулъ было слабыя свои руки, чшобы прпянуть зашапавшуюся дѣву; крѣпкая рука отпюкнула его назадъ, и грудь воина была опорой дѣвъ Майны. Быспрѣ мысли Гассанъ бросился впередъ, чшобы поддержать ее. Но кѣгда ея прелестное лице, хотя покрытое блѣдностью, упало на широкую грудь его, кѣгда жилистые руки воина обхватили лилейное шѣло ея, онъ наклонился и однимъ колъномъ спалъ на землю.

— «Погоди, высокоспепенный Бей, я избавлю тебя отъ этой тяжести,» раболѣпно пролепечалъ Огуль.

— «Прочь опсеюда, гнусное твореніе!» вскрикнулъ его господинъ съ грознымъ движеніемъ руки: и когда презрѣнный невольникъ удалился, тогда Гассанъ пихонько опустилъ на софу безчувственную юную Гречанку.

Онъ хотѣлъ подать ей какую-либо помощь, пытался разсегнуть пряжку, копорю спянуть былъ ся полсъ. Но руки его дрожали. «Боже мой! уже ли это я?...» вскричалъ онъ, испугавшись самъ своего волненія; онъ отошелъ къ другому концу комнаты и напрасно силился преодолѣть волненіе сіе. Онъ чувствовалъ, что сердце его билось съ необыкновенною силой и кровь кипѣла; взоръ его, щепино отводимый въ спорону, безпреспанно спремился къ юной дѣвѣ.

— «По крайней мѣрѣ она не увидитъ этого,» молвилъ онъ вздрогнувъ, «и никогда не узнаетъ!» Онъ

хопѣлъ уйши, спунилъ нѣсколко шаговъ, но не имѣлъ силы удалиться опъ нея въ эту минуу.

Между тѣмъ юная Майношка медленно приходила въ чувспво. Вышедъ изъ безпамятства, она заплакала. Она не была уже тою надменною Лакедемонянкой, копорой несчастіе оставило одну только гордость: лучъ надежды блеснулъ ея глазамъ, и она явилась только женщиной.

Гассанъ не могъ защищаться опъ нѣкоторой ревности, увидѣвъ на лицѣ ея выраженіе радости чистой и глубокой. « Можешь быть, » подумалъ онъ: « можешь быть мечтаешь она о миломъ своемъ, о женихѣ... » и густыя брови его нахмурились.

— « Прощай, » сказалъ онъ, впорично рѣшась ее оставишь: слово мое свято; ны увидишься съ твоимъ семействомъ.

— «Надѣюсь, что нѣкогда Богъ явишь мнѣ сію милость,» отвѣчала Гречанка, возведя глаза къ небу. «Всѣ ближніе мои пали мучениками любви своей къ опчизнѣ и къ вѣрѣ Христо-вой.»

— «По этому,» подхватилъ Бей съ видомъ почти грознымъ: «воспомина-ніе о какомъ нибудь молодомъ Паликарѣ причиною слезъ твоихъ?»

Она покраснѣла; но твердымъ голо-сомъ отвѣчала: «Нѣтъ!»

— «Опъ чего же надежда увидѣшь сей несчастный край, гдѣ ты будешь одна, среди могилъ родныхъ твоихъ и развалинъ ихъ городовъ, достав-ляетъ тебѣ споль живое удоволь-ствіе?»

Она посмотрѣла на него съ видомъ удивленія. «А развѣ тамъ не Пелопон-несъ?»

Войнѣ вспомнилъ Францію и поблѣднѣль. Онѣ проспился движеніемъ руки съ пою, кошорую не считалъ уже своею невольницей, бросилъ на нее послѣдній взглядъ, и, собравъ все свои силы, удалился.

Въ слѣдующіе при дня, юная Майнопка не видала Бей; но Огуль отвезъ ее въ Каиро, и когда пріѣхалъ Нубійцевъ были посажены на суда, въ ту минушу, какъ флотъ снялся съ якорей и разпустилъ паруса, легкой челнокъ принесъ двѣ Лакедемонскую къ одному изъ Египетскихъ военныхъ кораблей. То былъ корабль, на кошоромъ находился Гассанъ.

ГЛАВА V.

Сентября 4-го, флотъ Египетскій выходилъ съ попутнымъ вѣтромъ въ обширной гавани Александрійской. Французскій фрегатъ, проданный Пашѣ, плылъ впереди другихъ кораблей. Быстрый и грозный, скоро освавилъ онъ за собою маякъ, и разнущенные большіе паруса его, подобно крыльямъ морской птицы, красиво напряглись отъ дыханія южнаго вѣтра. Магросы изъ Африканцевъ, Азіяпцевъ и Франковъ, унизывали собою передовую часть корабля: на кормѣ находились только кормщикъ и еще два челоуѣка: развѣвавшіеся на богатыхъ чалмахъ перья и дорогія шубы показывали въ нихъ

людей высокаго званія. Одинъ изъ нихъ, сидя на пурпуровомъ коврѣ и придерживая рукою длинный чубукъ кальяна, съ беспспрасною важностью смотрѣлъ на убѣгающіе утесы береговъ и минареты Александріи. Другой сидѣлъ шочно также; но какая разница въ выраженіи лица его! Ни одинъ парусъ не показывался вдали на необозримомъ морѣ, чпобы проничашельный взоръ Гассанъ - Бей не примѣшилъ его прежде всѣхъ, и чпобъ ужасная надежда не блеснула во взорѣ воина.

— » Кьюшай! вскричалъ онъ вдругъ, примѣшно вздрогнувъ: » они шамъ!»

Кьюшай - Бей медленно поворошилъ голову въ ту сторону, куда указывала дрожащая рука воина. Онъ увидѣлъ много Европейскихъ кораблей, и смотрѣлъ на нихъ, не утрашивъ ни одного глотка табачнаго дыму.

— « Это военные корабли, » продолжалъ Гассанъ, и радость опть предсполвщей битвы изобразилась во всѣхъ чертахъ его лица.

— « И мнѣ такъ кажется, » спокойно отвѣчалъ Египтянинъ.

— « Они нападуть на насъ ,Кьюпай!

—« Можетъ быть, Гассанъ.

— « Но развѣ ты не надѣшься этого? »

— « Чему быть, то предписано свыше, » отвѣчалъ Магомешанинъ, и снова принялся курить свой кальянъ.

То, что предполагалъ Гассанъ-Бей, не исполнилось. Флотъ Европскай не перерѣзалъ пути флоту Египетскому и корабельныя пушки гремѣли только для дружелюбнаго привѣтствія.

Послѣ нѣсколькихъ часовъ плаванія, Кьюпай какъ будто бы вышелъ изъ

усыпленія. «Гассанъ,» сказалъ онъ: «для чего ты не заперъ въ своей каюпѣ эту женщину, которую взялъ съ собою?»

— «Для того,» отвѣчалъ воинъ съ надменнымъ видомъ, «что для защиты ея достаточно моего имени, даже и на моемъ кораблѣ, Кюпай-Бей.

— «Ты чудный человекъ! Я видѣлъ, что глаза твои осматривались на ней съ такимъ жаромъ, какъ будто бы она была не своя; а совсѣмъ тѣмъ шерпишь, чтобы и другіе видѣли ее.»

Гассанъ не отвѣчалъ ни слова.

— «Что, если бы ты велѣлъ ей проплясать передъ нами?» молвилъ Египтянинъ.

— «Дерзкій!» проворчалъ Гассанъ и нанесъ руку на свой кинжалъ.

— «Прикажи ей, по крайней мѣрѣ, спѣшь намъ какуюнибудь народную

пѣснь свою,» подхвапиль Египтянинъ съ обыкновеннымъ своимъ равнодушіемъ.» Ты не опвѣчаешь мнѣ?» продолжалъ онъ. «Ужели въ шебъ до сихъ поръ осталось слабодушіе Гяура? Ты человекъ въ чалмъ и съ саблей; ужели хочешь быть невольникомъ женщины?»

Гассанъ вздрогнулъ. «Она будетъ пѣшь,» сказалъ онъ измѣнчивымъ голосомъ, и по данному имъ знаку, двое изъ его Негровъ побѣжали за юною Гречанкой.

Она вышла на палубу, въ одеждѣ, копорой благородная простопя являла нѣчто древнее. То не была одежда ея родины, она упратила ее въ неволѣ: но хитрья руки Гречанки придали новый покрій убранствамъ воспочнымъ, копорья далъ ей евнухъ. Обувь ея прикрѣплена была пурпуровыми черевлями, сплнутыми на - креспѣ

поверхъ спупени, подобно копурупу древнихъ Спаршанокъ. Верхняя пуника, не споль короткая, но надѣная съ такою же пріятностію, какъ одежда Діаны-звѣроловицы, казалось, еще возвышала сшройный сшанъ ея; а кисейная повязка, обвившая вокругъ чела, не имѣла ни чрезмѣрнаго объема Турецкой чалмы, ни жеманной зашѣйливости нашихъ Европейскихъ головныхъ уборовъ.

— « Гассанъ - Бей, » сказала она, подойдя къ нему: « чего онъ меня прѣбуешь? »

Воинъ съ минушу молчалъ. Ему шягосипно было дать унизительное повелѣніе шой, которой онъ зналъ возвышенную душу; но язвительная улыбка Кьюная, которой смопрѣлъ на него изкося, возвратила ему прежнюю швердость. « Клеона, » сказалъ онъ: « шѣсни Грековъ славящя по всему

Востоку. Спой намъ пѣ изъ нихъ, копорыя ты больше любишь.»

Прекрасная Майнопка вздронула и пѣнь румянца промелькнула на ея щекахъ. Но то былъ единственнѣй при- знакъ негодованія, копорое она почувствовала. Гордоскрывъ свою досаду, она пошребовала лиру свою, не сказавъ въ отвѣтъ ни слова, и прислонясь къ кормовой рѣшешкѣ, повела пальцами по звучнымъ струнамъ и заиграла прелюдію.

Первые аккорды ея были сладостны и наводили задумчивость; но вскорѣ, постепенно одушевляясь, она извлекла изъ струнъ лиры звуки болѣе громкіе и болѣе страстные. Небесный огонь свѣщился въ глазахъ ея, обращенныхъ въ ту сторону, гдѣ видны были еще однѣ волныморскія, но гдѣ сердце ея уже указывало ей отчизну. Надежда, являвшая нѣчто высреннее,

и вдохновеніе дѣвы несмертнкой, отражались на лилейномъ челѣ ея. Поэтъ почелъ бы ея за Музу пѣсней героическихъ, когда, приподнявъ голову и совокупивъ со звуками лиры голосъ свой, коего пріятность не была лишена силы, начала она гимнъ Эллиновъ:

Δεῦτε, παῖδες τῶν Ἑλλήνων.

При сихъ звукахъ Гассанъ-Бей запрепешалъ и пошумилъ голову. Нѣсколько минулъ хопѣлъ онъ скрытъ свое волненіе и удержавъ слезы; но первая строфа не была еще кончена, какъ онъ, разсброенный до того, что не могъ слушать долѣе, вскочилъ съ гнѣвнымъ видомъ и наложилъ молчаніе на прекрасную пѣвицу.

— « Гассанъ, » сказалъ Кьюпай Бей, ни сколько не пронувшись: « я думалъ, что ты не знаешь по - Гречески. »

Воинъ гордо взглянулъ на него. «Нѣтъ,» отвѣчалъ онъ: «я не понимаю эпитхъ словъ; но голосъ эпопъ, Кьюшай! голосъ пѣсни Французской!»

Въ продолженіе всего плаванія, онъ обходился съ юною Гречанкой, какъ съ равною себѣ, и оспавлялъ ей полную свободу во всякое время. Рѣдко онъ заводилъ съ нею рѣчь; но глаза его безпрестанно были на нее обращены, и Нубійцы удивились, видя, что Гассанъ - Бей не столько самовластепъ и не столько сстрогъ, какъ прежде.

ГЛАВА VI.

Чрезъ нѣсколько дней плаванія, флотъ приблизился къ берегамъ Морен. Уже миновалъ онъ Кандію и предъ нимъ открылись вдали острова Архипелага, съ однимъ изъ шѣхъ, которые находятся подъ покровительствомъ Англіи. Съ сей минуты юная Майнопка не сходила уже съ палубы корабля. Опершись о рѣшетку кормы, она въ молчаніи разсматривала небо, море и звѣзды своей родины; и когда синеватыя горы Пелопоннесскія предстали въ отдаленіи взору ея, подобно пучамъ въ неясныхъ очеркахъ, тогда никакой шумъ, никакое иное зрѣлище,

никакой голосъ не въ силахъ были опвлечь ея глазъ, обращенныхъ въ шу спорону.

Скоро увидѣли оспровъ Сфакперію и Форваперъ Пилосскій. Берега оспрова и скалы машерика были унизаны баштарями. Турецкая Луна поспавлена была на самой высокой башнѣ Венеціянскаго зѣмка, возвышающагося у входа въ гавань. Далѣе выказывались машшы многочисленнаго флоша Ибрагимова, и на верхахъ сихъ машшъ развѣвались шамъ и сямъ флаги Европейскіе, съ незнакомымъ дополѣ морякамъ орломъ, кошорый впервые возлешалъ подѣ покровительспвомъ Турокъ и извѣдывалъ прошиву Креспа молодья свои когши и клювъ, еще непривычный.

Флошъ вошелъ въ гавань, привѣспвуемый кликами десяши тысячъ Турокъ, Египшанъ, Албанцевъ и Ара-

бовъ, коихъ шапры были разкинуты по берегу. Небольшое число Грековъ, находившихся въ городѣ, — и шѣ были плѣнники, — вздыхали при видѣ новыхъ враговъ, угрожавшихъ опчизнѣ ихъ; но они не трепепали: они возлагали упованіе свое на Бога и обрekli напередъ жизнь свою въ жертву святому дѣлу, за которое сражались.

Ибрагимъ находился въ отсушствіи. Нѣкто Европеецъ наблюдалъ за высадкою войскъ, назначалъ имъ спановища и дѣлалъ смонпръ разнымъ опрядамъ. Одинъ Гассанъ-Бей не принялъ опъ него повелѣній. Онъ разбилъ шапры свои и назначилъ кочевье своихъ Нубійцевъ далеко опъ судовъ и башарей. Ему не нужна была ни чья помощь, и начальникомъ своимъ признавалъ онъ только сына Паши.

На другой день Ибрагимъ прибылъ. Новая войска, посшавленные въ бое-

вой порядокъ у гавани, показывали ему разныя свои построения. Западные офицеры научили ихъ маршировать въ линію, спрорисья въ надлежащемъ порядкѣ и безъ замѣшательства предсавлять мнимое сраженіе. Паша улыбнулся при семъ зрѣлищѣ; но когда, подѣхавъ къ концу линіи, онъ увидѣлъ приспа Нубійцевъ, на коняхъ, споль же черныхъ, какъ и всадники ихъ; когда они полетѣли впередъ съ быспропой Арабовъ и шочноспью Европейцевъ, дѣлились по частямъ и спроились всѣ вмѣспѣ, заряжали ружья не пріоспанавливая бѣга, спрѣляли и попадали на всемъ скаку въ далекую цѣль, въ кошорую и самый искусный спрѣлокъ побоялся бы дасть промахъ, — тогда радость гордаго Ибрагима не знала границъ. Онъ носкакалъ къ начальнику сего ошборнаго войска и накинувъ на него собспвенную свою шу-

бу, великолѣпно вышишую, вскричалъ: « Требууй опть меня, чего хочешь! все, что имѣю — швое.

— « Паша, » опвѣчалъ воинъ, « у меня одно только желаніе: сразись за тебя въ шопть день, когда непріятель гораздо могущественнѣе Грековъ прійдетъ оспоривать у тебя швою добычу. Но если ты хочешь послушаться моего совѣша, то въ ожиданіи дня сего, кошорый вѣрно не далекъ, ты не спанешь подвергать опасности мою конницу въ эшихъ неприступныхъ горахъ, гдѣ спарикъ или ребенокъ, по слабости едва держащіе ружье, могутъ, изъ засады въ здѣшнихъ пропастьяхъ, послать безнаказанно смерть храброму воину. Не прашь напрасно крови моихъ Нубійцевъ, благородный Ибрагимъ! ибо они, поражая, какъ молнія, исчезающъ споль же быстро, какъ она.

— «Ты правъ,» сказалъ молодой Полководецъ. «*Великій Императоръ* сберегалъ свою гвардію для рѣшительныхъ случаевъ. И я хочу подражать *Великому Императору*. Ты можешь осмѣяться въ Наваринѣ до той поры, когда настанетъ опасность.»

Вмѣсто отвѣта и благодарности сыну Али-Паши, Гассанъ молчалъ и лице его выражало почти презрѣніе. «Кровь слабыхъ,» говорилъ онъ, «обогрѣла порою когти орла; но этому ли Египтянину равнять себя съ Наполеономъ?»

ГЛАВА VII.

Между тѣмъ какъ Ибрагимъ дѣлалъ смотрѣ своиимъ войскамъ, нѣсколько Христіанъ осмѣлились пробратъся въ лагерь, опустѣвшій по выходѣ солдатъ. То были несчастныя Греки, изувѣченныя непріятельскимъ желѣзомъ, или помимые годами. Блѣдныя, полумертвыя отъ голоду, они не изспрашивали подаянія; но видъ ихъ блѣдности такъ былъ ужасенъ, что самыя Магомешане чувствовали къ нимъ жалость и давали имъ иногда по немногу пищи.

Одинъ изъ сихъ несчастныхъ прибрелъ къ шапрамъ Нубійцевъ: испыталъ ли онъ, что сіи люди, болѣе дикіе, были также и менѣе безжалостны, или чувствовалъ менѣе отвращенія умолять грубыхъ дикарей, нежели просить подаянія у Европейцевъ, добровольно себя унижившихъ.

Онъ подошелъ къ спавкѣ Бей и осмѣлился приподнять коверъ, которымъ завѣшенъ былъ входъ; онъ увидѣлъ женщину и пробормошалъ: «хлѣба!»

Дѣва Майны оборотила голову: взоръ ея вспрѣпиль взоръ нищаго, сухаго и измощеннаго. Оба вскрикнули, оба поблѣднѣли: она опъ гнѣва, онъ опъ угрызеній совѣспи.

— «Ты ли эпо, предашель?» вскричала она «,Ты измѣнилъ Греціи, обратіямъ пвоимъ и Богу, и живъ еще!

— « Живъ еще! » проспоналъ несчастный, склонивъ морщиноватое свое чело и посъдѣлую голову: « я живъ, и это казнь моя.

— « О мой отецъ, братья, сограждане умерщвленные! ужели такъ слаба рука Лакедемонянки? » И юная дѣва бросилась къ кинжалу, оставленному Гассаномъ въ шапрѣ.

— « Карай меня! » сказалъ нищій. «Лучше пакъ умереть, чѣмъ съ голоду.

— « А цѣна крови? » подхватила она въ испуленіи: « гдѣ же цѣна крови Грековъ? »

— « Посмотри, » отвѣчалъ несчастный, обнаживъ свои плеча, покрытыя язвинами: « вопть цѣна, заплаченная мнѣ Турками.

— « Богъ правосуденъ! » сказала дѣва, и опложила кинжалъ.

Спарикъ шапался на ногахъ. «Дочь Леонпія,» молвилъ онъ: «чепыре дня я ничего не ѣлъ.

— «А мой опець, сказала она, «и всѣ, копорые пали съ нимъ жерпвами швоей измѣны! и они лишены пици. . . Но я Хриспіанка,» продолжала она голосомъ уже не споль болѣзненнымъ. «Возьми: вопъ все, чпо здѣсь еспъ моего.» И собравъ яспвы, пригошпвленные для нея, она положила ихъ на землю и опспувила; ибо ей спрашно было прикосновеніе измѣнника.

Ницій жадно бросился на яспвы, но не ѣлъ ихъ: онъ спряпалъ ихъ на груди, какъ сокровище, и оживясь радоспью, сказалъ: «Благородная Клеона! я погубилъ швое семейспво, а ты спасаешь мое!

— «Твое семейспво? . . .» повпорила молодая Гречанка съ видомъ сомнѣняі

и недовѣрчивости, «И у тебя есть семейство, а ты насъ продалъ!

— «Жена моя и четверо дѣшей были въ рукахъ Турокъ,» молвилъ бѣднякъ «Ахъ! мнѣ поспрѣбно было крайнее усиленіе надъ собою, чтобы измѣнить отчизнѣ, но на что бы я не рѣшился для спасенія жены и дѣшей! Изъ всего обѣщаннаго мнѣ золота, хотѣлъ я удержатъ только то, что нужно было для плаванія на Іонійскіе острова. Оспальнымъ я загладилъ бы отчаспи бѣдспвія, мною панесенныя. Но, безумецъ! я повѣрилъ обѣщаніямъ Турокъ! Они ничего мнѣ не дали, и корыстолобивый Авспрійскій мореходецъ, поклявшійся взять насъ на корабль, отказыаешся спасти насъ, попому, что у насъ нѣтъ денегъ.

— «Сколько лѣтъ дочерямъ твоимъ?» спросила Майношка.

— «Шестъ лѣтъ тому, какъ спаршая родилась,» отвѣчалъ нищій.

— И малая доля золопа спасла бы васъ? »

Сильное волненіе души помѣшало спарику отвѣчать.

— « Прійди завтра, » молвила Клеона.

— « Завтра . . . . увы! Авспріецъ уйдетъ въ море.

— « Прійми же опть меня сію жершву , Господи! » вскричала юная Гречанка; « а ты, вѣрно пребывающій нынѣ съ Ангелами, возрадуйся о мнѣ! » — И подошедъ къ чалмѣ, покинутой поущру ея господиномъ, она вырвала изъ алмазнаго пера нѣсколько драгоценныхъ камней, и бросила ихъ нищему.

Несчастный спалъ на колѣни. « Еце одинъ даръ, великодушная Клеона! » сказалъ онъ, преклонясь челомъ до земли: « Прости меня, проси меня! »

Она не отвѣчала.

— « Хриспось предъ кончиной про-
спиль своихъ убійць, » продолжалъ
спарикъ.

— » То была дивная благоспъ Бо-
жеспва, » опвѣчала она, « Но дочери
не дано право прощатъ убійцу опца
ея. »

Опверженецъ ушелъ въ смущеніи.

ГЛАВА VIII.

Когда Гассанъ возвратился въ свою спавку, сильное волненіе отражалось въ чертахъ лица его плѣнницы. Онъ замѣнилъ это и задумался. Движеніемъ руки онъ выслалъ своихъ невольниковъ, и оставшись одинъ съ Гречанкой, молвилъ ей съ видомъ мрачнымъ и такимъ взоромъ, который изобличалъ въ немъ тревогу душевную: «Клеона! ты вѣрно думаешь теперь о томъ, чтобы поскорѣе меня освободить?»

— «Я не могу уже теперь этого сдѣлать,» отвѣчала она. «Посмотри Гассанъ: вотъ что я у себя похитила.» Тутъ она указала на перо чалмы, лишенное алмаза.

Бей казался удивленнымъ. «Какая нужда могла тебѣ случиться;» спросилъ онъ: «для чего ты не сказала мнѣ напередъ?» Но онъ не изъявлялъ ни малѣйшаго неудовольствія: душа его была выше мѣлочной суешности человѣческой, и могъ ли онъ цѣлишь камень дороже великодушнаго дѣла..?

— «Не спрашивай меня,» отвѣчала Клеона: «я поступила, какъ должно было Христіанкѣ.... Можешь бышь, поступила безразсудно.... Но мнѣ казалось, что я выполняю доброе дѣло....»

— «Знаешь ли,» подхватилъ Гассанъ, «что я купилъ это перо цѣною моей крови?»

— «А я заплавила за него еще дороже, Гассанъ: оно стоило мнѣ свободы. Не сила чуждая, но собственнѣй мой поступокъ даетъ тебѣ право на дѣву Майны. Я покорюсь этому праву.»

Черты лица Гассанова смягчились. Внезапная радость пролилась въ его душу и дала иное выраженіе глазамъ его. Не то, чпобъ онъ обманывался на счетъ чувствованій юной плѣнницы, или давалъ словамъ ея смыслъ обширнѣйшій: но она осмивалась съ нимъ! и этого блага было для него довольно.

— «Клеона,» сказалъ онъ, посадя ее подлѣ себя на софу: «сердце мое такъ жестоко было изперзано, чпо я не могу уже ни чувствовать, ни поселять любви. Но я сыскалъ въ тебѣ душу, могущую послпчь мою собственную, — и я уже не одинокъ среди эпой вапаги рабовъ. Мнѣ было бы тяжко лишиться тебѣя.

— «Я останусь съ тобою, Гассанъ,» опвѣчала юная Гречанка съ видомъ крошкимъ и величественнымъ.

— « Я не попребовалъ бы опть шебя эпой жерпвы, » продолжалъ Бей, « ког-да бы у шебя оспавалось семейспво, ро-дина. Но гдѣ можешь пы бышь без-опаснѣе, какъ не со мною? Я прошу шебя объ одной шолько благосклонно-спи: не убѣгай меня. За эшу цѣну, все, чшо я имѣю, будешъ швое, и не одинъ плѣнный Грекъ спанешъ бла-гословляшь шебя.

— « Нѣптъ, Гассанъ, » опшвѣчала она ему съ гордоспю: « не налагай на ме-ня слишкомъ шягоспной благодарно-спи. Я Христіанка, а пы носишь чалму. »

Гассанъ - Бей улыбнулся; но въ эпой улыбка было чшо-шо горькое и мучи-тельное. « Соблюдай швою вѣру и мечшы швои, » опшвѣчалъ онъ: « можешъ бышь и я желалъ бы соблюспи ихъ допынѣ.

— « Но опчеспво, опть котораго пы отркся, швое семейспво, сограждане,

знамена ихъ? . . . Гассанъ! неужели все это мечпы?

Онъ вздрогнулъ, и положи на руку дѣвы холодную свою руку, сказалъ: «Знамена подъ копорыми я служилъ, уцѣлѣли только въ памяти народовъ, а опечесиво меня опвергнуло. Я сражался противъ чужеземцевъ — за то меня огласили предашелемъ Франціи. Тѣ, копорыхъ жилища я защищалъ съ опасностью моей жизни, шѣ, копорымъ мечъ мой снасъ женъ и дѣшей, были моими судьями и обвинителями. Они обрekli меня на казнь и безчестіе, какъ убійцу. . . какъ убійцу война непріятельскаго . . . офицера копораго я прикрылъ моимъ пѣломъ и копорый всналъ съ окровавленнаго одра своего, слабый и полумертвый, для показанія въ мою защиту. Послеъ этого, ужели спшь для меня сограждане, Франція? . . .

— «Жалѣю о тебѣ, Гассанъ,» оживѣчала Майнопка.

— «О! теперь ужь не о чемъ жалѣть!» вскричалъ онъ въ порывѣ изступленія » теперь ужь я не жалокъ! часъ моего мщенія наступаетъ. Не думаешь ли ты, что я простилъ? Чтольса и горы моей отчизны не увидѣли бы меня подобно Клефшамъ швосей Греціи, скипающагося отъ убѣжища до убѣжища, съ жаждою крови и грабежа, когда бы бичъ просвѣщенія, стягопѣющій надъ моею отчизною, оставилъ какую-либо надежду успѣха моей злобѣ?.. Но слушай: Французскій флотъ недалеко отъ здѣшней гавани, онъ несетъ угрозу и войну; рука моя вспоманетъ прежнюю крѣпость свою, а душа силу въ потъ день, когда я пойду драхься съ Французами.

— «Нѣтъ Гассанъ,» молвила Гречанка: нѣтъ! ты не сдѣлаешь этого!»

ГЛАВА ІХ.

Нѣсколько дней протекло послѣ сего разговора, и юная плѣнница, не забывая ни на минуту своихъ обязанностей къ самой себѣ и своему опеченсыву, умѣла отвлечь вонна оиѣ печальныхъ его думъ. Часно она разсказывала ему дивные подвиги изъ Греческой Истори, описывала памятники сей страны, плакала о ея бѣдствіяхъ; часно такъ же говорила съ нимъ о Франціи, о герояхъ, ею упраченныхъ и о надеждахъ, ей остающихся. Казалось, другое чувствование, кромѣ любопытства, внушало ей иногда такіе вопросы, и не разгадываемое волненіе изображалось на ея лицѣ.

Напрасно высокомерный Гассанъ боролся съ самимъ собою, чшобъ уклониться отъ власни своей невольницы. Каждый день, каждый мигъ доказывали ему силу спраспи, на которую онъ досадовалъ, но не могъ ей прошивиться. Ни сколько не гордась своимъ шоржествомъ, прекрасная Майшонка, по видимому, крайне огорчалась, когда взглядъ, движеніе или слово изобличали смяшеніе, поселенное сію въ душѣ Бел. Съ своей стороны, порою онъ радовался равнодушію, которымъ гордость его вооружалась прошивъ любви; порою предавался испуленію гнѣва, или повергался въ глубокое уныніе.

— «Клеона,» сказалъ онъ ей однажды: «ты любила.» — Она поблѣднѣла и молчала. «Ты любила,» продолжалъ онъ голосомъ грознымъ . . .» И шеперь еще любишь.

— «Такъ, Гассанъ,» опвѣчала гордая плѣнница, оскорбленная его гнѣвомъ.

Воинъ опсупнулъ опъ пса. Онъ ожидалъ сего опвѣпа, и совѣмъ пѣмъ былъ имъ огорченъ. Но скоро, ощутивъ снова всю свою злобу, вскричалъ онъ голосомъ, которому ищенино спарался придашь выраженіе не споль спрашное. «Гдѣ жъ эптошь любовникъ, эптошь счаспливый смерпный?»

— «Онъ былъ въ Миссолонги,» опвѣчала юная Гречанка; и поднявъ глаза къ небу, она какъ будто бы хопѣла сказать: шенерь онъ тамъ!

Продолжительное молчаніе слѣдовало за симъ опвѣпомъ. Гассанъ все еще трепепалъ; но испупленіе его мало по малу упишилось при мысли, что соперникъ его спалъ вѣчнымъ сномъ. — Клеона была недвижна: можно бы подумать, что жизнь распалась съ

эшимъ бѣлоспѣжнымъ пѣломъ, и что душа ея оплестѣла соединилась съ душою ея милаго.

— «Онъ умеръ,» молвилъ наконецъ Бей: «миръ праху того, кого ты любила. Конечно онъ былъ храбрый воинъ!

— «Онъ былъ швой единоземецъ, Гассанъ.

— «Французъ! И вѣрно одинъ изъ прежнихъ воиновъ, опринушыхъ спраною, за копорую они проливали кровь свою?»

— «Нѣтъ, онъ былъ послѣднею опраслю храбраго рода, и впервые подъялъ оружіе.»

Бей сдѣлалъ знакъ удивленія и презрѣнія. «И ты любила эшого мальчика!» вскричалъ онъ.

— «Любила, Гассанъ, и онъ былъ того доспоинъ: онъ умеръ за мою ошчизну!»

Воинъ долго ходилъ большими шагами по своей спавкѣ, опдавшисъ въ добычу разнымъ движеніямъ души. «Въ какой же часпи Франціи родился эппопъ Филеллингъ?» спросилъ онъ, лзвипельно выразивъ голосомъ нмисіе.

— «Онъ родился въ Эльзасѣ,» опвѣчала она.

— «Въ Эльзасѣ! въ опчизнѣ храбрыхъ!» и глубокій вздохъ вырвался изъ груди Гассановой. «О! говорили ли онъ тебѣ когда о берегахъ Рейна, о нашихъ горахъ и долинахъ? Расскажи мнѣ, что говорилъ онъ тебѣ, Клеона! Эльзасецъ!»

Дѣва Майны печально опустила голову. «Я не забыла ни одного изъ его словъ,» опвѣчала она: «но не могу ихъ повторапть; они мое сокровище и тайна моего сердца.

— « Выслушай меня, сказалъ воинъ: « я самъ опдамъ ему долгъ сожалѣнія, попому, что я родился въ томъ же краю. . . . Я не пребую опъ тебя повѣспи любви пвоей. . . . Но того, что онъ разсказывалъ тебѣ объ Эльзасѣ, о согражданахъ своихъ, о семейспвѣ.

— « Гассанъ, » отвѣчала Гречанка: « зачѣмъ разсказываешь тебѣ то, что не полюбился пвоему слуху? Не одно мѣсно свосго рожденія любилъ онъ, но все свое опечество, всю Францію, съ ея воспоминаніями всѣхъ вѣковъ, съ ея Государями, законами, вѣрой и щесчаспїями.

— « И тебѣ, Клеона, вѣрно училъ онъ благоговѣшь передъ упѣспипелами и благословляшь предащелей? »

Юная дѣва не отвѣчала. » Конечно онъ былъ пригожъ! » продолжалъ Бей:

« ловкость его и прилипная наружность
пльнили твое сердце.

— « Гассанъ, » ошвѣчала она: « ты не
то думаешь. Выслушай разсказъ плъни-
ницы. Я все шебѣ опкрою . . . чинобѣ
успыдить шебя.

ГЛАВА X.

«Между плодоносными равнинами Каламаты и прелесными долинами, гдѣ спялтъ города Скутари и Мараѳонъ, планешя цѣпь горъ безплодныхъ и во многихъ мѣстахъ недослупныхъ. Горы сіи — Тайгетъ Спарланцевъ, убъжище попомковъ ихъ, скудная, но свободная земля Майноповъ. Оппоманы, власпишели Пелопоннеса, не могли разпространитъ своего господства на сіи горы, обипаемыя племенемъ воинственнымъ, и поколѣніе, произшедшее опъ Лаксдомонянъ, оспавалось

непокоримымъ среди покоренной Греціи.

« Опъ сего-шо племени родилась я. Предки мои часпо водили его въ бипвы; самъ отецъ мой, другъ Боцарисовъ и попомъ Мавромихаліевъ, явился доспойнымъ начальспвовапъ людьми, коихъ опвага не знаетъ преградъ. У него научилась я пой гордостп духа, копорой и самая неволя не могла опняпъ, и пой любви къ опчестпву, копорая придала мнѣ силу сносипъ бремя жизни.

« Ты Французъ, Гассанъ; пы видѣлъ народъ господспвовавшій надъ полъ-Европой—побѣжденнымъ, униженнымъ и лишеннымъ своихъ завоеваній; пы вздыхалъ надъ поспыженными вашими знаменами, надъ уничпоженной вашею власпью: но пы не можешь поспигнуть ни гореспн, ни негодованія, кон Лакедемонянамъ внушаспъ порабоще-

ніе Греціи. Удалясь въ ущелья горъ, какъ хищныя птицы, наши Майноты безпрестанно посились взорами, мыслью, желаніемъ на богатыя равнины, опіяныя варварами у предковъ нашихъ. Трѣпеща опъ досады, сравнивали они суровую и многопрудную жизнь свою съ праздностію своихъ враговъ; пѣсни ихъ были пѣсни войны, забавы — опасныя набѣги, празднества — бѣшвы.

« До десятилѣтняго моего возраста получила я грубое, но не униженное воспитаніе дѣвы горъ. У насъ мало различія въ образѣ жизни дѣшей обоего пола: тѣлесныя занятія были намъ также свѣчны, какъ нѣкогда Лакедемонянкамъ. Взбирались на скалы, поспѣвавъ за быспрымъ ходомъ нашихъ Паликаровъ, перепрыгивавъ черезъ ручьи и переплывавъ рѣки, — шаковы были дошолѣ игры и занятія

моего дѣтства. Но когда мнѣ исполнилось десять лѣтъ, тогда брагъ мой мапери посѣтилъ наше жилище. Онъ уже давно переселился изъ Морей на островъ Хіо, коего жители занимались прибыточною торговлей. Богатство его сдѣлалось весьма значительнымъ. Но какъ бы въ наказаніе его за добровольное опщужденіе опъ родины, небо не дало ему дѣшей. Онъ выпросилъ меня у опца моего и увезъ на своемъ кораблѣ.

«Спранникъ, котораго буря занесетъ нынѣ къ берегамъ Хіо, увидишь только опущошенныя поля и обломки городовъ. Но не шаково было шамъ, когда я шуда прибыла. Земледѣіе и мореходство обогащали прелесный сей островъ, и чудеса Европейской образованности сочсшавались въ немъ съ пышностью роскоши Восточной. Однако же ни красаона полей, подо-

бывшихся необозримому саду, ни при-
манки обильныхъ городовъ, ни любез-
ность жилищей, не власны были
сдѣлашь жилищельство въ Хіо для меня
пріятнымъ: памъ были Турки.

« Промышленость и богатство при-
вели за собой познанія и просвѣщеніе.
Греки Хіосскіе соснавляли собою на-
родъ гораздо болѣе образованный, не-
жели наши Майнопы. Меня учили
спыдись моего незнанія, и свѣду-
щіе училисли сообщили дикаркѣ Тай-
гена познанія, которыми она хопя
нѣсколько подходитъ къ женщинамъ
спранъ просвѣщенныхъ. Но спала ли
я ошъ шого счастливѣе? Мусульманы
ничему не учились: самыя просныя
свѣдѣнія, самыя легкія искусства были
свыще ихъ понятій. Однако жъ они
повсѣвали, и прихоши ихъ были для
асъ закономъ.

«Посуди, Гассанъ, что должно было выпертыть сердце Лакедемонянки, когда она принуждена была оспанавливапьяся и успунать дорогу женѣ послѣдняго изъ сихъ варваровъ; когда съ приходомъ Турчанокъ, должно было спѣшитъ вопъ изъ бани, сходить съ лошади при вспрѣчѣ съ ними, и когда желаніе какого нибудь Аги могло спонить чеспи или жизни дочери Архонта!

«Но таковы могущесиво времени и сила привычки, что я нечувствительно свыклась съ этою ненадежною и шапкою жизнью, и сладостная нѣга настольцаго опивлекала мой взоръ отъ будущаго. Это произвольное ослѣпленіе не было продолжительно. Греція пробудилась отъ долготѣняго сна своего: она пребовала свободы, и всѣ ея сыны опвѣчали на ея голосъ. Сами наши богатые Хіосцы пожелади вооружипьяся за свою независимость, и послѣ

того, какъ брандеръ Капариса сжегъ у нашихъ береговъ огромный корабль Кашишана - Шаши, клики радости и воспорга раздались на этомъ мирномъ оспровѣ. То былъ знакъ убійства. Цѣлая Азія нахлынула на народъ, знавшій войну только по имени. Сопротивленіе было бесполезно, бѣгство невозможно... Должно было умереть.

«Пламя пожрало окружныя селенія: нѣкоторыя жилища ушли въ горы; другіе пали опъ меча варваровъ. Одинокая церковь была моимъ убѣжищемъ. Тамъ ждала я смерти. У алтаря шѣснилась въ слезахъ толпа людей, умѣвшихъ только молиться и плакать; я, дочь Майноша, почувствовала въ себѣ наследственную опважность моихъ единоплеменниковъ, и радовалась при мысли, что умру, защищая себя. Но я не вѣдала собственнаго моего безсилія... Они пришли, покрывъ кровью

и прахомъ, мы услышали ихъ вой, увидѣли блескъ ихъ сабель: колѣна мои подломились, рука задрожала. . . . Я думала, что я Лакедемонянка — и явилась только женщиной.

« Уже кровь спарцевъ и женщинъ струилась на помостѣ храма; уже на руки юныхъ дѣвъ налагались оковы, межъ нѣмъ какъ алчные воины спорили о дѣлежѣ священныхъ сосудовъ, какъ вдругъ раздался крикъ: « Спойте, спойте! я ихъ выкупаю. » — И чужеземный воинъ явился средь насъ, держа въ одной рукѣ мѣшокъ золота, въ другой шнагу.

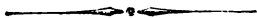
« Варвары, упившись опиумомъ и кровью, опивчались только наглымъ смѣхомъ. « Глуръ, » сказала начальствовавшая ими Ага : « Опдай мнѣ эшопъ мѣшокъ и онѣ твои — если ты сладишь съ моими Янычарами.

— «Согласенъ!» сказалъ молодой человекъ и бросилъ серебро къ ногамъ Аги. «Онъ мой,» продолжалъ онъ, спавъ у входа церкви съ нѣсколькими изъ своихъ мапросовъ. «Теперь спупайте скорѣе вонъ.

— «Богъ ослѣпилъ невѣрныхъ,» молвилъ Ага, спряшавъ мѣшокъ у себя за поясъ. Янычары спали вокругъ него. О! какое состраданіе поселилъ во мнѣ молодой Офицеръ, когда я увидѣла, что онъ съ своими мапросами готовился драться противъ сей разъяренной стаи! Одежда Турецкихъ воиновъ, грозныя ихъ лица, кровавыя ихъ руки, пояса, унизанные пистолетами и яшиганами, являли разишельную пропивоположность съ проспымъ и узкимъ одѣяніемъ Французовъ, съ ихъ лицами, копорья казались намъ женообразными, пошому что бороды ихъ были обрпшы, съ ихъ малыми саблями безъ

киспей и всякихъ прикрасть. « Увы! » вскричала я: « или мало того, чпо мы попадаемъ въ неволю! Удались, великодушный чужеземець! бой слишкомъ неровень. »

« Онъ улыбнулся. Лице его было пріятно, какъ лице женщины; но взоръ его, Гассанъ, взоръ его былъ спрашенъ, какъ твой! — Начался бой, но онъ не длился: ибо каждый изъ сихъ Европейцевъ былъ храбръ, какъ Майнопъ. Турки были побиты, и Французъ вывелъ насъ изъ церкви; но не взялъ обратно своихъ денегъ.

ГЛАВА XI.

«Онъ насъ привелъ на свой корабль, и мы поплыли къ Смирнѣ, гдѣ Франція имѣла великодушнаго своего Агента. Тамъ подруги мои нашли приспанище и покровительство. У меня было одно только желаніе — увидѣть снова мою родину.

«Избавившись мой вышелъ въ опшавку. Иногда я подозрѣвала, что была не милость ему, а наказаніе; однако же никогда ни однимъ словомъ не подкрѣпилъ онъ моихъ подозрѣній. Жертва несправедливости своихъ единопоземцевъ, онъ стыдился обвинять ихъ.

« Въ Смирнѣ было нѣсколько Юнійскихъ Грековъ, желавшихъ пролить кровь свою за опечеснвоо. Мы присоединились къ нимъ; вмѣстѣ наняли мы корабль, и я онынь увидѣла Грецію.

« Тогда началось для меня новое существованіе. Жизнь невольницы легка въ сравненіи съ жизнью женщинъ Майнопскихъ. Рабопашъ на нашихъ рапниковъ, слѣдовать за ними, носить имъ пищу — таковы были вседневныя мои занятія; но я не ропшала: я изнуряла себя для своей родины и для свободы.

« Часпо видала я между нашими Паликарами спасшаго меня Француза, ибо онъ спалъ за наше дѣло, видя насъ въ бѣдствіи. Мы не говорили съ нимъ о любви: мы любили другъ друга безмолвно и я препенала во дни сраженій.

« Когда счастье спало благопріятнѣе Греціи, Эдуардъ не скрывалъ уже сво-

ихъ надеждъ. Онець мой любилъ его: я была ему обѣщана. Одно только препятствіе осаждалось къ нашему благополучію. Мы ожидали согласія его родныхъ.

« Эпо согласіе долго медлило; когда же дошло къ намъ, дѣла Греціи перемѣнили видъ. Египціане осаждали Миссолонги. Эдуардъ не могъ осмѣиваться равнодушнымъ зрителемъ сей великой борьбы. Мы обручились и на другой день онъ уѣхалъ. . . . Гассанъ, еще ли ты его презираешь? »

Воинъ казался задумчивымъ и опечаленнымъ. « Клеона! » сказалъ онъ : « ты любила его и хочешь, чѣмъ я былъ къ нему справедливъ! . . . Но зачѣмъ долѣе говорить о томъ, кого уже нѣтъ на свѣтѣ? Послупки его были послупками военнаго человека. . . . Француза. Онъ покоится теперь въ могилѣ, какъ и многіе другіе храбрые люди, забы-

тые свѣпомъ. . . . Пуспъ же и памяпъ
его умрешъ!»

Юная Гречанка сдѣлала знакъ него-
дованія. «Ты обманываешься, Гассанъ,»
опвѣчала она съ видомъ вдохновен-
нымъ. «Онъ живъ для меня! душа его
меня видипъ, внемлетъ мнѣ и любовь
его опвѣчаетъ моею любовью.»

ГЛАВА XII.

Когда прекрасная пльница оканчивала свою рѣчь, пушечный выстрѣлъ съ крѣпости ошвлекъ вниманіе Гассана. Многіе другіе выстрѣлы быстро слѣдовали за симъ; но опытное ухо Бя скоро разпознало, что выстрѣлы сіи не были смертоносны, и что пушки заряжены безъ ядеръ и картечи.

Не смощя на то, нѣкоторое безпокойство впервые опозвалось въ душѣ воина. Онъ догадывался о прибытіи пѣхъ, конхъ одно нма возбуждало въ немъ злобу. Онъ привсчалъ, чптобы выскочипъ изъ паланки и самому

освѣдомишься о причинѣ столь многихъ залповъ; но невѣдомое какое-то опасеніе удержало его... Онъ попытался показать поропливое любопытство женщины, или неперѣливоснѣ ребенка. Для сего онъ переломилъ себя и оспался недвиженъ. Но превозжившія его предчувствія придавали взору его мрачное выраженіе.

Скоро послышался шопонгъ конскихъ копытъ и кшо-то показался у входа палатки: это былъ Кыюнай-Бей. Напрасно шарался бы кшо прочеснѣ на лицѣ его причину его приѣзда. Важныя черпны лица его были, какъ и всегда, холодны и безспраспны : при всемъ шомъ поспѣшноснѣ, съ копорюю онъ прискакалъ, означала кшо-то неперпящее замедленія.

— « Гассанъ, » сказать онъ съ обычною своею важноснѣю: « корабли Европейцевъ уже здѣсь.

— « Здѣсь наконецъ! вскричалъ воинъ и бросился къ своему оружію.

— « Они принесли намъ слова мира, » продолжалъ Египтянинъ. « Адмиралы Англійскій и Французскій прибудутъ къ Ибрагиму, и онъ хочетъ, чшобы всѣ его офицеры присушествовали при переговорахъ съ ними. »

Щеки Гассановы поблѣднѣли и взоры его сдѣлались спрашны. « Чшобъ я былъ при переговорахъ съ Европейскими Адмиралами! » подхвапиль онъ съ изспупленіемъ: « чшобъ я слушалъ ихъ обманчивыя рѣчи. . . . Нѣтъ! этого не будетъ. Ты можешь сказать Ибрагиму, что я тогда только гошовъ видѣль Франковъ лицомъ къ лицу, когда съ ними спану сражашся.

— « У меня сердце чеспнаго Мусульманина, » ошвѣчалъ Бей, обрадованный симъ воинспвеннымъ разположеніемъ духа. « Я вѣрно передамъ швой ош-

вѣпшъ Пашѣ, хотя бы онъ и прогнѣвался на меня за эпо. Но у меня есть еще другое къ тебѣ порученіе. Французская шлюпка вошла въ гавань, и я обѣщался командирующему ею Гяуру вручить тебѣ эпу бумагу.

— «Мнѣ, Кьюшай! у меня теперь нѣпшъ ничего общаго съ Европой, и я ничего не хочу опшпуда получапшъ.

— «Ты власпешъ изорвашъ письмо или опослапшъ его обратпшо; но я обѣщался доставить его тебѣ: вошгъ оно. Прощай.»

Египшянинъ вышелъ изъ спавки и сѣлъ на коня. Гассанъ взялъ письмо; но не посмопсрѣлъ на него и хопѣлъ уже броешпъ на горячіе уголья, на кошорыхъ курились благовонныя вещества. Однако взоры его минушпно упали на бумагу, присланпую изъ его опчизны. Такъ есть еще кто-шо во Франціи, помпашій объ изгнанникѣ! Онъ

взглянулъ на надпись, узналъ почеркъ, и голова его свѣсилась на грудь, колѣни задрожали : женщина должна была поддерживать война.

— «Благодарю, Клеона,» сказалъ онъ, потишчасъ пришедши въ себя : «я не полагалъ, что я такъ слабодушенъ... Но это письмо слишкомъ живо напомнило мнѣ прошъ край, о которомъ мы съ шобою говорили; а почеркъ похожъ на почеркъ спараго опца моего.»

Онъ опвернулся, чтобы скрыть свое волненіе. «Плачь, Гассанъ! не стыдись плакать!» сказала юная Гречанка : «я знала уже, что у тебя есть сердце.»

Крупныя слезы покапались по изрубленнымъ щекамъ Бя. Сіе равнодушіе къ своему семейству, сіе забвеніе своего долга, сія ненависть къ опечесству, копорою онъ гордился, — все сіе было только ожеспоченіемъ души оскорбленной, желающей сильно нена-

видѣшь, попому, что она сильно любила. Отверженный Франціей, принятый въ службу Паши, посвященный въ таинства чуждой вѣры; Гассанъ, Ренегатъ Гассанъ не переспалъ любви своей отчизны, и можетъ бышь, онъ былъ ей болѣе преданъ, нежели многие изъ ихъ, коимъ она осыпала своими благодѣланіями. Но то была тайна, коимую желалъ бы онъ скрышь даже онъ самого себя : ибо высокоумный духъ его не могъ прощень безчестія, несправедливо ему нанесеннаго ; и , въ угоду своему гнѣву, онъ усиливался оплучить въ собственннхъ глазахъ своихъ Францію обновленную онъ шой, коимой онъ нѣкогда служилъ, тогда какъ на зло ему онъ смѣшивались въ его сердце.

Съ пренешомъ распечатавъ онъ письмо стараго отца своего и поцѣловалъ сіи строки, начертанныя ру-

кою почтенною. «Сынъ мой,» писалъ къ нему спарикъ : «я приближаюсь «къ предѣлу дней моихъ, и не хочу «умереть, не пославъ тебѣ моего бла- «гословленія. Ты впалъ въ великіе про- «спунки, но я не урекаю тебя за «нихъ : ты былъ несчастливъ. Прошу «только и заклинаю тебя, именемъ «родительской любви моей, не подни- «май оружія за дѣло постыдное и «противъ твоей опічизны. Вспомни : «ты былъ Французъ и служилъ На- «полеону.»

— «Поздно!» пролепеталъ воинъ глухимъ голосомъ; и сжавъ поропливо письмо опіца своего, онъ вспалъ и велѣлъ осѣдлать своего коня.

— «Что дѣлаешь ты, Гассанъ?» сказала юная Гречанка, прочетшая мысль его: «Или ты не хочешь говорить съ Французомъ, доставившимъ

тебѣ сіе письмо? Можеть быть онъ видѣлъ отца пивоего!

— « Нѣтъ! » прервалъ Гассанъ : « я не увижусь съ нимъ; я могъ бы сдѣлаться измѣнникомъ, когда бы съ нимъ увидѣлся. . . . Прощай, Клеона! я не возвращусь, пока флотъ Европейскій не удалится отъ Наварина. »

ГЛАВА XIII.

Двое черныхъ невольниковъ, бодрыхъ и сильныхъ, едва могли держать неперпѣливаго, рьянаго коня Гассанова: явился онъ самъ — и борзый конь, узнавъ своего господина, опустилъ голову и переспалъ бить копытами землю. Не вскакивая еще на сѣдло, воинъ бросилъ продолжительный взглядъ на приспашъ, гдѣ развѣвался флагъ Франціи. Величавое чело сго наморщилось. Но онъ не медлилъ долѣе: легко и проворно вскочилъ на коня, далъ ему шпоры и скрылся.

Добрый конь, на быспромъ бѣгу своемъ, какъ будто бы глошалъ раз-

споянія. Бей подспрекаль его голосомъ, но не правилъ поводьями: онъ скакаль безъ цѣли, для того шолько, чшобы далью положишь предѣль между собой и своими единопземцами: счастливь былъ бы онъ, когда бы шунтъ же могъ убѣ- жашъ и опть воспоминаній!

Онъ пуспился на удачу во внуспрен- ность спраны, и предавшись мрач- ному своему опчаянію, казалось, съ наслажденіемъ смопрѣль на доплѣва- ющія развалины селъ и на обрублен- ные пни масличныхъ деревь. Печальное сіе зрѣлище согласовалось съ его дума- ми, и оно одно шолько не оскорбляло его взоровъ.

Проѣхавъ всю Мессенію, оспановился онъ у подошвы горъ, ограждавшихъ нѣ- когда землю Лакедемонянъ и землю Ар- кадійцевъ. Вправо опть него, вдали рисовались обрывистые верхи Тайгеша; влѣво видѣль онъ горы Киллинійскія,

коихъ гребни терялись въ облакахъ. Передъ нимъ распилалась равнина, лишенная зелени : ибо Египтяне уже прошли по ней. Онъ сѣлъ подъ тѣнью скалы, и опершись на обломокъ колонны, бывшей когда-то, можетъ быть, профеемъ побѣды или памятникомъ мира, мечталъ о своей родинѣ.

Часы пропекали, а Гассанъ Бей сидѣлъ недвижно, подобно спящій въ ковѣ древнихъ . Человѣческіе голоса отвлекли его наконецъ отъ мечтательности. Онъ оборотилъ голову и примѣтилъ за скрывавшими его скалами двухъ человѣкъ, коихъ нарѣчіе, одежда и черты показывали сыновъ Греціи. Одинъ изъ нихъ, въ красивомъ и живописномъ одѣяніи Паликаровъ Колокопроніевыхъ, былъ спарикъ, у кспораго спанъ еще не сгорбился отъ годовъ и члены не замашерѣли. Другой, не столь долго пропекавшій поприце

жизни, хопя волосы его начали уже сѣдѣть, носилъ на лицѣ своемъ печать низоспи и вѣроломства, еще разительнѣе выказывавшихся въ косвенныхъ его взглядахъ, въ униженномъ, раболѣпномъ положеніи шѣла и въ умоляющихъ движеніяхъ.

Они громко разговаривали, и хопя Бей не разумѣлъ ихъ языка, но часто повторявшіяся имена Ибрагима, Паварина и Адмираловъ, заспавляли его догадываться о предметѣ ихъ разговора. То былъ лазутчикъ, доносившій какому-то вождю.

Оба они были вооружены; и хопя на вѣпоромъ изъ нихъ вся одежда состояла изъ рубища, но въ рукѣ у него было двусвольное ружье, и по видимому, во всей исправности. Но Гассанъ не думалъ ни о числѣ, ни объ оружіи. « Спашу ли я надеждь ихъ? » молвилъ

онъ самому себѣ; и единый его страхъ былъ шумъ, чшобъ они не ушли отъ него.

Онъ безъ шума пробрался вокругъ скалы, и съ легкостію Француза перепрыгнувъ чрезъ всѣ преграды, вспрѣшившіяся ему на пути, непримѣнно достигъ края площадки, на которой ихъ видѣлъ.

Лазутчикъ былъ одинъ въ эту минуту. Начальникъ Паликаровъ взобрался на крупной упесъ, откуда орлиный взоръ его могъ видѣть Наваринъ и корабли, и повѣрять точность полученнаго имъ извѣстія. Гассанъ, выхватя саблю, побѣжалъ къ шуму, который слылъ ближе, и прежде чѣмъ достигъ его, взоры воинъ возвѣстили уже сему несчастному неминуемый приговоръ.

Онъ хотѣлъ высрѣлится изъ ружья — оно выпало изъ дрожащихъ рукъ его : ибо въ человѣкѣ, несшемъ ему

наказаніе, было нѣчто споль грозное, что и на мысль не приходило ему прошивиться. Лазупчикъ бросился на колѣни : « Пощади, пощади меня! » кричалъ онъ : « я другъ Турокъ, я имъ предалъ Майну; воишь *фирманъ* Ибрагимовъ! Съ эшимъ мяпежникомъ говорилъ я только для того, чтобъ его обмануть.

— « И ты Грекъ! » съ негодованіемъ возкликнулъ воинъ.

— « Я вѣрный *райя*, » опивчалъ онъ съ большею увѣренностію: « я принадлежу къ Лапинской церкви. . . Сжался надо мной!

— « Да, я сжалюсь надъ тобой, человекъ, опчуждавшійся опъ опчины, » возразилъ Бей : « я сжалюсь надъ тобой : послушаю съ побоемъ такъ, какъ ты заслуживаешь. » — И мигомъ опспіе сабли его снесло голову предапеля, покашившуюся на песокъ. — Гассанъ посмопрѣлъ съ минупу въ молчаніи

на сей безжизненный трупъ : можетъ бытъ, онъ завидовалъ измѣннику, уже не спрдававшему.

Между тѣмъ старый Паликаръ, стоя на крупизнѣ утеса, равнодушно видѣлъ приближеніе Турецкаго воина и паденіе лазупчика. Опершись на свое ружье и наклоня голову впередъ, онъ не думалъ спрѣляпъ въ Бея, хотя уже давно пуля его могла бы попасть въ непріятеля. Онъ смопрѣлъ на него въ гордомъ и спокойномъ положеніи стараго бойца, привычнаго къ опасностямъ, и у котораго мысль о бивѣ не можетъ уже ни радовать, ни смущать душу.

Длинные кудри серебристыхъ волосъ, выбивавшіеся изъ-подъ красной его *фезки* и развѣваемые вѣтромъ по широкимъ плечамъ, висячіе усы, смуглое чело, на которомъ годы оставили только слабый слѣдъ своего печенія :

все въ немъ казалось чудно, замѣчательно, необыкновенно. Выраженіе лица его являло что-то надменное и лукавое : черты сего лица были правильны и не слишкомъ рѣзки; но увидя его, всякой чувствовалъ, что человекъ сей долженъ былъ быть безжалостенъ.

Когда онъ замѣтилъ, что воинъ Турецкій подходилъ къ нему, то медленно взвелъ курокъ и прицѣлился въ Гассана.

Бей схватилъ одинъ изъ своихъ пистолетовъ. « Ну, старый горный коршунъ, » кричалъ онъ : « стрѣляй ; не то, я не дамъ промаха ! »

— « Я первый никогда не стрѣляю, » хладнокровно отвѣчалъ Грекъ.

Гассанъ опустилъ пистолетъ и зашкнулъ его за кушакъ. Его изумила повелительная самоувѣренность спарика, и въ осанкѣ и голосѣ его замѣ-

пилъ онъ привычку повелѣвать. « Ты вѣрно изъ вождей? » сказалъ онъ ему.

— « Храбрый скрываетъ имя свое отъ непріятеля, » отвѣчалъ Паликаръ. « Но теперь должно быть перемиріе между двумя войсками : зачѣмъ же намъ драться? »

— « Перемиріе! » повторилъ Бей, опуская шагъ назадъ.

— « Такъ хопѣли Европейскіе Адмиралы, » сказалъ Грекъ.

— « И ты, старый Клефъ, повинешься Европейцамъ! Зачѣмъ же ты бунповалъ, когда не умѣешь быть свободнымъ? »

Спарикъ вздрогнулъ, глаза его за сверкали и язвительная улыбка промелькнула на губахъ его. « Я не умѣю быть свободнымъ! » сказалъ онъ. « Безумецъ! знай : я Колокопрони.

— « Я такъ и думалъ, » отвѣчалъ Гассанъ.

ГЛАВА XIV.

— « Счастливы ты, сынъ Могаммеда, что встрѣшилъ меня, » сказалъ вождь Паликаровъ, опершись снова о свое ружье : « потому что не одинъ я изъ Паликаровъ брожу по симъ горамъ.

— « Человѣкъ не дважды умираетъ, » отвѣчалъ ему Гассанъ. « Признаюсь, однако же, что не шеперь хотѣлъ бы я умереть : я изгнанникъ-Французъ, и ничѣмъ еще за себя не отмстилъ. » Быстрая проницательность Колокопрони вмигъ разгадала всю душу Ренегата; и углубясь въ будущее, Грекъ предусмотрѣлъ, въ какой мѣрѣ буйныя спроси Бея могли оказать у-

слугу Греціи. «Благодареніе Богу,» подумалъ онъ, «что мои рапники не убили того, кто, можетъ быть, вооружилъ Европу противъ Ибрагима.» И принявъ на себя видъ доброжелательный, онъ сказалъ: «Гассанъ-Бей, ибо ты непременно долженъ быть славный Гассанъ, почему же намъ не быть друзьями?»

— «Будемъ друзьями,» отвѣчалъ Гассанъ, и пожалъ поданную ему Грекомъ руку: «Я уже давно люблю тебя, старый горный Клефъ: я знаю, что ты готовишь много препонъ намѣреніямъ Европейцевъ.»

Глава Клефовъ и самъ почувствовалъ, что его обгадали. «Мы созданы для того, чтобы понимать другъ друга,» молвилъ онъ. «День западаетъ; ты заблудился въ пущынной споронѣ: не откажись укрыться подъ гостепріимной кровъ война.»

Бей не отказался. Вместе съ сошли они съ утеса и пустились по извилистымъ пѣщинамъ. Конь Гассановъ шелъ за своимъ всадникомъ и съ шумомъ вскарабкивался на крутые скалы горы. Иногда проходилъ онъ по дну глубокаго оврага, иногда по обрыву пропасти; должно было по взбираться на скалы, по нагибаться, проходить сквозь подземныя пещеры. Никакого человѣческаго слѣда не было замѣтно въ сихъ дикихъ мѣстахъ, и неразъ однако же грозный кликъ раздавался во время ихъ шествія; не одинъ Паликаръ выходилъ, какъ бы волшебствомъ, изъ расщелины скалы и направлялъ дуло своего ружья на чалму Турецкаго воина. Но видъ Колокопрони удерживалъ ихъ руку, и они съ ропотомъ укрывались въ невидимыя свои убужища.

Они достигли наконецъ площадки, гдѣ кочевала тогда дружина спараго

Клефша. Тамъ не было ни шапра, ни хижины. Жесткая, голая поверхность утеса была единою постелью Паликаровъ, епанчи ихъ единою защитой. Сполпясь вокругъ огней, на копорыхъ они топовили свои яспвы, воины Колокопроніевы предспавляли собою видъ разипельный и живописный. То была смѣсь людей всѣхъ воинспвенныхъ племень, пишаемыхъ Греціей, Эпиромъ, Македоніей и Өракіей, и коихъ чершы и обычаи споль же разняпся, какъ и одежда ихъ. Праздные Албанцы молчаливо курили пабакъ; Морлаки и Славяне, въ горскомъ своемъ одѣяніи, либо пѣли старинныя пѣсни о *Юръ Кастріотичъ* (*), либо разговаривали о войнѣ и любовныхъ своихъ похожденияхъ. Суліоты, въ бѣлыхъ своихъ коропкихъ плащ-

---

(*) Скалдербегъ, или Каспріотъ Албанскій.

яхъ, мечтали объ опчизнѣ и бисвахъ; тогда какъ полудикіе паспухи Пинда и Олимпа проводили время въ борьбѣ, или скакали, какъ серны со скалы на скалу. Но одна мысль занимала спарыхъ сподвижниковъ вождя, сихъ непокоримыхъ Клефшовъ, копорые не понизили чела ни подъ какимъ игомъ: они заняты были поченіемъ, чищеніемъ, улучшеніемъ своего оружія, коего форма и украшенія свидѣльствовали о воспочномъ его произхожденіи; и копорое ихъ опвагою добышо было опъ ихъ припѣснипелей.

Въ спановицѣ было также нѣсколь-ко женщинъ, взобравшихся на сіи неприступныя горы, чшобы принести мужьямъ и брапьямъ своимъ яшвы, копорыхъ онѣ сами себя лишали. Было и нѣсколько малолѣпныхъ дѣшей, сла-рыхъ еще, но неуспрашимыхъ, и

бросавшихъ гнѣвные взгляды на чалму незнакомца.

Но Гассагъ былъ гостемъ ихъ начальника и видъ его показывалъ человека храбраго: онъ занялъ мѣсто между рашиками, и они приняли его, какъ своего собрата. Чело его разгладилось, и впервые со дня его отбытія изъ Франціи, воздухъ показался ему легокъ: онъ видѣлъ вокругъ себя людей столь же гордыхъ и безспрашныхъ, какъ самъ онъ былъ.

Между шѣмъ Колокопрони хитрыми рѣчами спарался еще сильнѣе возбудишь ненависть его къ Европейцамъ и возпламенишь его злобу. Болѣе всего хотѣлъ онъ внушить ему мысль — вызвать на бой Союзный флотъ, и для того показывалъ ему, съ какимъ удобствіемъ можно бы напасть на сей флотъ нечаянно, сжечь его, уничтожить. «Я понимаю тебя,» сказалъ

Бей со взоромъ, смутившимъ Клеффа. «Но не безпокойся : нѣтъ нужды въ моей рукѣ, чшобы развести огонь сего пожара. Единоземцы мои не долго будутъ мирными зрителями нашихъ боищъ: какія ни были бь имъ даны предписанія, они не захопяпгъ оспанься праздными предъ бапшареями Наварина.

— «Чего жь лучше?» молвилъ Колокопрони съ незамѣпною почпи улыбкой : «вопъ чего именно ты долженъ желать. Крѣпости ваши скоро разрушатъ ломкіе суда ихъ.»

Гассанъ покачалъ головою. «Не подумай,» сказалъ онъ, «чшобъ я до такой степени обманывался. Мы падемъ, Колокопрони: но покрайней мѣрѣ и имъ эпо будетъ спойшь многокрови. Мы падемъ, — но тогда уже мнѣ можно будетъ умереть. . . . я опмщу за себя!»

ГЛАВА XV.

Цѣлые два дни Гассанъ провелъ у Паликаровъ; на преній возвратился въ лагерь.

Нубійцы встрѣпили его съ кликами радости. Кьюшай-Бей, пишавшій особенную дружбу къ воину-Ренегашу, шопічасъ пришелъ къ нему.

— « Гассанъ, » сказалъ онъ онъ, « радуюсь пвоему возвращенію. Я боялся, чшобы здѣшнія горы не были гибельны вождю храбрыхъ, и чшобы Глуръ, ожидавшій шебя, не ждалъ по напрасну.

— « О комъ ты говоришь, Кьюшай? » спросилъ Бей съ удивленіемъ.

— « О помъ, кшо опдалъ мнѣ ту бумагу къ тебѣ. Онъ возвратился, и хощя одежда Франка навлекашъ ему недоброжелательство нашихъ воиновъ, хощя и многіе изъ нашихъ Албанцевъ увѣряюпъ, будто бы видали его между мятежниками; но онъ презрѣлъ ненависть и угрозы и два дни прожилъ въ спанѣ, чшобы съ побоею видѣнъся.

Брови Гассановы нахмурились. « Пустъ ѣдепъ отсюда! » вскричалъ Бей : « не хочу слышать его рѣчей, не хочу видѣнъся съ нимъ. Я ненавижу Франковъ и все, чшо объ нихъ напоминаетъ! »

Говоря такимъ образомъ, воинъ, можешъ быпъ, считалъ себя искреннимъ; можешъ быпъ даже успѣлъ онъ обманушь себя до такой степени. Но когда онъ въ ту же минупу увидѣлъ незнакомца, шедшаго къ нему, когда узналъ синій мундиръ и Французкій

эполетъ, — сердце возстало прошивъ принятаго имъ намѣренія. Напрасно спарался онъ отворошитьъ лице свое: руки его проспирались къ сему сыну его опчизны, и вопреки его гордости и злобѣ, душа его рвалась къ Французу.

Сей приближался скорымъ шагомъ. Гассанъ почувспвоваль, спопря на него, неизъяяснимое волненіе. Не только молодой сей воинъ напоминалъ ему спарыхъ его сослуживцевъ, тѣхъ, съ которыми онъ брашски жилъ на поляхъ битвы и на празднеспвахъ побѣды; но по какой-то памяти прежнихъ лѣтъ ему казалось, что онъ видѣлъ собственное свое изображеніе, изображение того, чѣмъ онъ былъ въ дни своей юности, когда еще Франція причисляла его къ рядамъ своихъ защитниковъ. — Въ самомъ дѣлѣ, было какое-то сходство между имъ и незнакомцемъ. Оба равно

были высоки, стройны, оба равно были надѣлены видомъ благороднымъ и неуспрашимостью, выражавшеюся во всѣхъ чертахъ лица. Но отчаяніе и жажда мести придали взору Гассанову выраженіе угрюмое и грозное, а пруды, раны и смуглота омрачили его лице. Напрошивъ того, въ лицѣ юноши свѣпились кропосшь и милая опкровенносшь, и хошя глубокая задумчивосшь покрывала тонкимъ облакомъ глаза его, но они все еще сохраняли гордосшь души возвышенной.

Воинъ Египетскій, влекомый къ нему такимъ движеніемъ, коего сила была для него изумительна, спунилъ нѣсколько шаговъ на встрѣчу ему, и не въ соспоаніи бывъ выдержавъ прежнюю свою рѣшимосшь, сказалъ : « Я шощь, кого вы ищете; я Гассанъ Бей. »

При семъ имени глаза Француза устремились на него съ выраженіемъ

горести и нѣжности, въ конецъ его обезоружившихъ. Сноя недвижно другъ пропивъ друга, они не могли сказать ни слова. Уже послѣ долгаго молчанія, вспомнили они, что чужіе глаза на нихъ смотрѣли; тогда они безмолвно пошли къ шапру Гассанову.

Бей, объяпный смяшеніемъ, коего самъ онъ не могъ понять причины, утратилъ топъ высококомѣрный видъ и гордую походку, копорья, казалось, обличали всю его душу. Онъ удивлялся, отъ чего сердце его билось сильнѣе при видѣ незнакомца, сына той отчизны, отъ копорой онъ отрекся? Съ своей стороны, молодой человекъ казался столь же разпроганнымъ, и препенною рукою приподнял онъ пкань, копорой задернулъ былъ входъ въ палашку.

Шаперъ Гассановъ предспавлялъ собою все великолѣніе шапровъ Воспоч-

ныхъ. Самыя драгоцѣнныя шкани украшали его внутри; кожа шигрова служила вмѣсто одѣяла на кровати война, и красно сложенные блестящія оружія висѣли надъ изголовьемъ. Но предметъ иной привлекъ на себя взоры и власнипеля палатки, и чужеземца. Лежавшая на софѣ, полу-закупанная въ покрывало женщина приподняла голову, услышавъ шорохъ ихъ шаговъ. Она увидѣла молодого Француза и вскрикнула. . . . Онъ уже прижалъ ее къ груди своей.

Въ сію минушу они не думали уже, что находились въ шатръ Релегана, уже не видѣли суроваго чела его, не слышали порывовъ его гнѣва : у нихъ одна была мысль, одно чувствованіе. . . Они были счастливы.

То былъ одинъ мигъ; но сей мигъ стоилъ цѣлаго вѣка счастія.

Казалось, облако нависло надъ очами гордаго Гассана, онъ спояль, какъ оцѣпенѣлый : но его пробужденіе долженствовало бытъ ужасно. Однимъ скачкомъ кинулся онъ на дерзкаго незнакомца, лѣвою рукою схватилъ его съ силой, свѣше человѣческой, и гнѣвно опшполкнувъ Клеону, обнимавшую его колѣна, блеснулъ синевапымъ оспріемъ широкаго своего кинжала. . . . Но невѣдомый, шайный спрахъ удержалъ руку его въ пошъ мигъ, когда онъ занесъ ее для удара.

Французъ вздрогнулъ, но не старался защищиться, и только горестъ изобразилась на лицѣ его.

— « Трещень, малодушный! вскричалъ Бей, спряхнувъ его съ изспупленіемъ неисповснва. « Ты трещень! ты знаешь спрахъ!

— « Да, » отвѣчалъ юноша, опустя голову : « да, я шрепещу . . . . пошому, что я швой браць! »

Кинжалъ выпалъ изъ руки Гассановой. Сердце его не дозволяло ему сомнѣваться въ словахъ юнаго Француза. Если бы непонятная сила его не удержала, если бы голосъ крови не оковалъ руки его невольно, — то даль ли бы онъ оскорбишелю своему время сказать хоть одно слово?

ГЛАВА XVI.

Тѣлодвиженіе Гассана все еще было грозно; но черты лица его выражали нѣчто больше удивленія : брагская нѣжность уже блистала въ очахъ его. « Братъ мой! » пролепеталъ онъ голосомъ умиленнымъ : « Мой Эдуардъ, ты ли это? »

Глаза молодого Француза наполнились слезами : ибо онъ узналъ наконецъ голосъ и сердце своего брата. « Милый Родольфъ! » молвилъ онъ, и обѣ его руки сжали руку, запесшую на него кинжалъ.

Они бросились другъ къ другу въ объятія, потомъ опскачили съ шре-

непомъ и оба отворопили взоры, чпобъ не видѣшь шу, копорая была у ихъ ногъ, шу, копорую оба они любили больше самихъ себя, больше всего въ мѣрѣ, и копорая могла принадлежать только одному изъ нихъ.

Блѣдная, съ разбитыми волосами и полумертвая, юная плѣнница обращала посмѣнно то на того, то на другаго изъ брашьевъ взоры робкіе и умоляющіе. Она поняла ихъ мысли и чувствовала, что ей надобно было удалиться: но какая для нея жертва! Трикратно силилась она встать, и трикратно колѣни ея припадали къ землѣ. Наконецъ пошла она въ самой любви своей силу ошорваться опять того, кого любила; она пошла дрожащими шагами, и когда вышла изъ спавки, то упала, подавленная сильнымъ волненіемъ.

Мучительная ревность разрывала сердце Гассановъ; но порывы ея пѣ-

сколько упишились, когда удалилась Клеона. Онъ взглянулъ на своего брата — и черпы лица его смягчились. Почпи съ гордою радостію опца замѣшилъ онъ перемѣну, происшедшую съ лѣпами въ томъ, кого онъ оснавилъ еще ребенкомъ. « Ты уже взрослый человекъ, Эдуардъ, » сказалъ онъ, и дружеская улыбка мелькнула у него на губахъ. « Сердце мое угадало тебя... Но глаза мои не могли тебя узнать. Ты изъ Франціи; расскажи мнѣ о нашемъ родителѣ : благополучна ли его старосінь? »

— « Была бѣ она благополучна, Родольфъ!... » отвѣчалъ молодой офицеръ со вздохомъ, и не могъ докончить.

— « Гассанъ поникъ головою. « Не моя вина въ томъ, сказалъ онъ : « вина пѣхъ предапелей, кошорые шого хонѣли. — Они опозрили имя Евронейца:

можешъ быть, имя Ренегата приведишь ихъ въ плененъ.

— « О братъ мой! » подхватилъ молодой человекъ : « не думай, чшобы неправый судъ, котораго ты былъ жерпвой, могъ успоаяшь прошивъ времени и испины. Франція давно уже опмѣнила приговоры парпїи прошиво-Французской. Она возврапила тебѣ твою славу, и нашу честь. »

Новая мысль возволвовала сердце воина и наполнила душу его смяненїемъ. « Какъ! » возкликнулъ онъ : « шакъ для опечеспиа моего еспъ еще воспоминанїа и надежды? . . . А вы, служащїе нынѣ подъ иными знаменами, вы не считаеице уже насъ за враговъ своихъ? . . . Братъ мой! ты обманываешь меня. »

Юноша опвѣчалъ только взоромъ укоризны.

Гассанъ покачалъ головою. «Послушай,» молвилъ онъ : « не говори мнѣ больше о своей Франціи.

— « О брата мой! ужели ты хочешь . . . . можешь ли ты позабыть свою отчизну?

— « Позабыть ее! повпоришь Бсй съ горькою улыбкой : « о ней послѣдняя моя мысль вечеромъ, и первая моя мечта по утру!

— « Закончай же и скажи мнѣ, что въ приближающейся битвѣ я не увижу брата моего въ числѣ нашихъ непріятелей.

— « Молодой человекъ! двѣнадцать лѣтъ живу я только надеждою мщенія . . . . И когда, послѣ двѣнадцати лѣтъ няго ожиданія, могу наконецъ упоить жажду моего сердца, ты думаешь, что какая-либо власнь человеческая могла бы меня удержать въ эту минуту?

— «Родольфъ!» вскричалъ молодой офицеръ, бросаясь къ его ногамъ: «милый Родольфъ! именемъ стараго нашего ошца. . . .»

— «Эдуардъ,» хладнокровно прервалъ его Бей, просянувъ руку къ Турецкому полумѣсяцу, возвышавшемуся надъ развѣшеннымъ его оружіемъ: ты самъ военный человекъ, а вошь мое знамя.»

Юноша грустно опушилъ голову и замолчалъ, ибо не смѣлъ совѣновать брата своему измены и побѣга. Онъ привснчалъ, не сказавъ ни слова; только на лицѣ его изобличалась горестъ, помившая душу его.

Гассанъ бросилъ взглядъ на софу, на копорой лежала юная Майнопка. Онъ чувствовалъ, что вся его ревность пробудилась и сказалъ уже голосомъ глухимъ: «Ты служилъ у Грековъ, Эдуардъ?»

— «Да, братъ мой,» отвѣчалъ Французъ: «и надежда скоро сразишься за нихъ подъ флагомъ моею опичизны, была бы для меня сладосшна, когда бы Родольфъ не былъ въ войскѣ Ибрагимовомъ.»

— «Ты знаешь Клеону,» перервалъ Бей: «ты любишь ее, и пришелъ опнять ее у меня!...» И широкія брови его нахмурились.

Молодой офицеръ поблѣднѣлъ съ своей стороны, но не опъ того, что опъ онъ подумалъ, что неволя содѣлала прекрасную Майношку недостойною его любви. Она оспалась непорочною, если не прекранила дней своихъ. Но братъ его любилъ Клеону, и онъ чувствовалъ, что слабо любить ее было невозможно. «Родольфъ,» проговорилъ онъ тихо: «она моя невестна и должна была спать пвоею сесшрою.»

— «Никогда, никогда не бышь пому!» вскричалъ воинъ Турецкій голосомъ опчаянія. «Ты долженъ забыть ее, или умереть опъ руки моей!»

Эдуардъ схватилъ руку своего брата и прижавъ ее къ сердцу, сказалъ: «Я могу умереть для тебя, Родольфъ, и умру безъ ропопа. Но Клеона также умереть.

— «Заносчивый ребенокъ! и ты думаешь, что одинъ заслуживаешь ея любовь?»

— «Нѣтъ, братъ мой, нѣтъ! я съ дѣтства пріучился тебя уважать и любить, и знаю, что ты во всемъ лучше меня... Но тогда она тебя не знала; а сердце благородное любитъ только однажды въ жизни.»

Бей закрылъ себѣ лице обѣими руками, чтобы скрыть смятеніе и горькость свою. Онъ чувствовалъ, что права его брата были правами природы

и справедливости, тогда какъ самъ онъ обязанъ былъ приписанію и неправотѣ за эту власть, которую присвоивалъ себѣ надъ юною Майнопкой. Онъ успѣдился своего варварства, но не имѣлъ силы опесупишься отъ него.

— « У тебя есть родные, опечесиво, Эдуардъ, » молвилъ онъ наконецъ. « У меня только одна она, — и ты хочешь у меня опнишь ее! Пвишь! я не опшерню много! Развѣ мало еще, что у меня есть соперникъ, и что я не могу его ненавидѣть? »

Молодой офицеръ былъ въ шакомъ волненіи духа, что не могъ опвѣчать. « Послушай! » продолжалъ Гассанъ: « опшерни еще вѣсколько дней. . . . Кьюшай вручить ее тебѣ, когда уже зрѣлице вапего блаженства не властно будешь возмущать меня . . . . когда уже у тебя не оппанется брана! »

Раздирающій душу вопль вырвался изъ устъ Француза. « Живи, Родольфъ; » вскричалъ онъ : « живи! Она жива! » И вслѣдъ за симъ вышелъ онъ изъ шапра, съ сердцемъ, убитымъ горесью.

ГЛАВА XVII.

1

Гассанъ не рѣшался его удержать: по былъ его соперникъ! Однако же глубокій вздохъ вырвался изъ его груди, когда братъ его удалился, и онъ упалъ на софу, какъ человѣкъ, у котораго тяжкій сонъ оковываетъ всѣ способности души и гнететъ сердце. — Это состояніе оцѣпененія и безчувствія не было продолжительнымъ. Взоры воина упали на его оружіе, онъ вздрогнулъ. «Это ли я?» сказалъ онъ самъ себѣ: «это ли Гассанъ, и его ли мысли о любви могутъ доводить до такого униженія?» И ухватясь рукою

за чело свое, онъ ужаснулся, почувствовавъ, что оно пылало.

Онъ вспалъ; но колѣни его дрожали и поспуль была не тверда. «А!» сказалъ онъ съ язвительной улыбкой: теперь эпо не я... Горячка пожираетъ меня и разумъ мой одержимъ бредомъ... Женщина не имѣетъ такой власти надо мною: солнце Африки и память объ опчизнѣ смущили мой умъ. Что мнѣ въ эпой невольницѣ? Пусть мой братъ увезетъ ее съ собою... Чтобъ ея не было здѣсь, на моихъ глазахъ!... Я не хочу больше видѣть ее.»

Онъ попиуль ногою, и невольникъ явился: то былъ свнухъ, которому обѣщаль онъ свободу, но который не могъ выполнить его повелѣній. «Огуль,» спросилъ онъ громовымъ голосомъ: «гдѣ она?»

— « Въ спавкѣ, копорую швое Высокомочіе велѣло для нея поспавишь подлѣ швоего шапра.

— « Пуспъ войдепъ сюда; я хочу впослѣдніе говоришь съ нею. »

Огуль хопѣль выйши. « Поспой, » вскричалъ воинъ. « Знаешь ли ты, говорила ли она съ Франкомъ, вышедшимъ изъ моеи палапки? »

— « Нѣтъ, господинъ мой : она даже и видѣшь его не могла.

— « Спупай же и поспѣши! »

Когда юная Гречанка возврапилаь, по не изъявила удивленія, нашедъ Бея одного. Она предвидѣла слѣдспвія свиданія обоихъ брапьевъ; она знала, что Гассанъ не рѣшился бы возврапишь ей свободу : и однако же какал-то новая жизнь разливалась по всѣмъ чертамъ ея лица, и въ глазахъ ея опсвѣчивалось выраженіе радости, довѣрія и счаспія.

Воинъ почувствовалъ, что грудь его подымалась при семъ зрѣлицѣ. «Клеона,» промолвилъ онъ глухимъ голосомъ : «ты вѣрно думала, что опять здѣсь найдешь Эдуарда?»

— «Нѣтъ, Гассанъ,» отвѣчала она: «нѣтъ! не здѣсь мѣсто Француза, моего добезнаго, Эдуарда; не здѣсь оно!»

— «Но ты, можешь быть, ласкаешь себя надеждой, что я опречусь опять всѣхъ правъ надъ моею невольницей, въ угоду этому безразсудному юношѣ?»

— «Ты былъ ко мнѣ великодушенъ,» отвѣчала прекрасная Майнопка. «Несправедливо было бы съ моей спорной требовать опять тебя больше. . . .» И глаза ея невольно остановились на чалмѣ Ренегата.

Въ немъ снова пробудились ревность и злоба. «Такъ ты не считаешь меня даже способнымъ поступать также, какъ пвой Эдуардъ?» вскричалъ онъ,

запренетавъ. « Но я понимаю шебя, женщина лукавая : ты надѣешься своєю хитроспью довести гордоспъ мою до поей жерспвы, копорой не могла бы ты получить оспъ моего сосспрананія. Радоспъ, блистающая въ спвоихъ глазахъ, спебѣ измѣняешь. Ты была бы не сполько счассплива, когда бы не чаяла меня обманушь. »

— « Гассанъ, » отвѣчала Клеона съ кропоспю : « какъ худо ты меня знаешь ! Могъ ли ты думаешь, что въ любви Гречанки еспъ мѣспю лукавспву, себялюбю, низоспи ? Я люблю спвоего брата, увидѣла его опять — и спала бы думать о самой себѣ ? Не довольно ли съ меня и того, что онъ живъ ? »

— « Живъ ! » повспорилъ Бей, поблѣднѣвъ и нахмуря брови : « онъ живъ — но ты больше его не увидишь ! »

— «Ты брашь его;» молвила она «и что бы ты ни сдѣлалъ, Гассанъ, я никогда не позабуду твоихъ правъ на мою дружбу и благодарность.»

Но спокойство дѣвы, казалось, еще болѣе возжигало гнѣвъ гордаго Гассана. «Дружбу и благодарность!» завопилъ онъ. «Нѣтъ! мнѣ нужна или твоя любовь, или ненависть. Я изпоргну тебя у него, у Греціи, у вселенной. Горе твоей опчизнѣ! горе всему, что ты любишь! Я опомщу тебѣ!»

Недосступная спраху, но не горести, юная Гречанка подошла къ нему съ видомъ умоляющимъ. «Гассанъ,» сказала она : «сердце мое опрекается почипанъ тебя споль несправедливымъ. Нѣтъ! я не спрашусь опъ тебя ничего ни за себя, ни за Грецію. . . . Спрашусь только за тебя самого. . . . Брашь Эдуарда! ты былъ

моимъ благопшорителемъ : не унизь
же себя.»

Говоря сии слова, она схватила Гас-
сана за руку. « Оспавь, оспавь меня!»
вскричалъ онъ голосомъ болѣзненнымъ
« Ты не видишь, что убиваешь меня..»

ГЛАВА XVIII.

Флопъ Европейскій удалился отъ Наварина, и Гассанъ не видѣлся въ другой разъ съ своимъ брапомъ. Клеона, казалось, не была огорчена своей судьбою : она разговаривала иногда съ Беемъ. Она продолжала услуживать ему съ безкорыстнымъ усердіемъ: только всячески старалась избѣгать всего, что могло бы ей напомнить о ея любви и спраданіяхъ.

Послѣ нѣсколькихъ дней волненія и задумчивости, Гассанъ, по видимому, успокоился. Онъ получилъ повелѣніе участвовати въ одномъ опасномъ предпріятіи и предвидѣлъ конецъ своимъ

бѣдспвіямъ. «Клеона,» сказалъ онъ: «я опъѣзжаю, — иду на встрѣчу смерти. Кьютай выполнитъ данное тебѣ мною обѣщаніе... Эдуардъ будешь наслѣдникомъ всего, что я любилъ.»

Часъ флота дѣйствительно гоповилась опплышь для нападенія на укрѣпленныя острова Пдру и Спецію. Гассанъ сѣлъ на адмиральскій корабль, и когда вѣперъ понесъ корабль сей въ опкрытое море, когда Ренегатъ увидѣлъ, что удалялся опъ материка Греціи, тогда онъ улыбнулся. Онъ надѣялся, что уже не возвратится.

Эскадра шла въ надлежащемъ порядкѣ, приготоваься и къ нападенію, и къ защитѣ. Опдано было роковое приказаніе убрашь койки, и на палубѣ и вдоль ужасныхъ баштарей видѣлись только грозные снаряды военные. Самъ Ибрагимъ, сшоя на носу корабля,

управлялъ движеніями передоваго ополченія, и сердце его прыгало опть гордой радости при видѣ пловучихъ пвердынь, носившихъ флагъ его.

— « Гассанъ, » сказалъ онъ Бсю: » Европейцы довѣрились высокомерной своей самонадѣянности. Они думали, что я не осмѣлюсь выйти изъ гавани. Одни изъ нихъ опплыли въ Архипелагъ, другіе въ Корфу : но когда бъ и всѣ они вмѣстѣ возвратились, то думаешь ли ты, что они опважились бы напасть на насъ? »

Гассанъ покачалъ головою, и въ отвѣтъ указавъ рукою на опдаленный парусъ, молвилъ : « Мнѣ кажется, это военный корабль. »

— « Благодареніе Богу! » отвѣчалъ юный Паша : « мы порадуемся ихъ удивленію и смущенію. Я опдалъ бы десять лѣтъ моей жизни, чтобъ это былъ шопъ гордый Англійскій Адми-

раль, кошорый думаль напугаць мепя.» — И схвапця морскую зрпшельную шрубубу, онъ наблюдалъ нѣсколькбу времепя дпвпженія корабля Европейскаго

То былъ линейный корабль. Онъ шелъ съ попушнымъ вѣпромъ и на всѣхъ парусахъ; косвенное направленіе флага не дозволяло различпть цвѣповъ его. Легкій фрегатъ шелъ за нпмъ въ нѣкопоромъ распояніп. « Они прямо пдушъ на насъ, » сказалъ Ибрагпмъ опчаспш съ удпвленіемъ. « Или они думаютъ, что я послушаюсь ихъ безразсудныхъ представленій? что я прпзнаю за Хрпстіанами право, вмѣшпвапсь въ наши дѣла съ нашими рабами? »

Гассанъ не опвѣчалъ. Глаза его были устремлены къ кораблю, и мысль его упреждала печеніе часовъ.

Когда корабли Европейскіе подошли ближе, шо начали манѣврпровать, какъ

будшо бы хопѣли обойти спереди флота. Тогда только можно было ихъ разпознашь. « Эшо онъ! » вскричалъ Ибрагимъ, дрожа отъ радости : « эшо онъ, шопѣ гордый морякъ ! Вотъ Азія и Дармушъ. Поспроимъ нашу линию, чшобъ они видѣли, чшо и мы умѣемъ плавать и сражашься. »

Могаремъ-Бей, сполвшій подлѣ него, велѣлъ подать сигналъ, — и мигомъ всѣ суда средней величины спали подъ вѣтромъ эскадры, тогда какъ корабли и большіе фрегаты сблизились, чшобы сосставишь какъ будшо одну баппарею. Сей манѣвръ былъ совершенъ въ немногія минушы съ почтосью и единствомъ движеній, кошорыя восхипили надменнаго Ибрагима. Корабль, на кошоромъ онъ находился, спалъ шенерь въ головѣ всей линии : другіе слѣдовали за нимъ съ такою правильностію, какъ будшо бы

желѣзными скрѣпами были прицѣплены одинъ къ другому.

Эшо конечно было новое и непредвидѣнное для Англичанъ зрѣлище, когда они смопрѣли на Магомешанъ, манѣврировавшихъ въ такомъ порядкѣ. Но каковы ни были ихъ намѣренія, они не убавили ходу: Азія обошла корабль Ибрагимовъ; Фрегатъ оспался немного позади.

Флаги были разпущены, *порты* (*) открышы, и машросы начали по немногу убиратьъ паруса. Ибрагимъ и офицеры его смопрѣли съ удивленіемъ; особливо жъ Адмиралъ Турецкій никакъ не могъ понятьъ намѣренія Европейцевъ.

Одинъ Гассанъ разгадалъ Англичанъ, ибо у него было львиное сердце. « Па-

---

(*) Окна или амбразуры корабля, въ кошорыхъ ставящся пушки.

ша, » сказалъ онъ : « развѣ ты не знаешь, что эти оспровинціе храбры? Они нападутъ на насъ.

— « Нападутъ на насъ! » повторили насмѣшливо сто голосовъ, но въ то же мгновение по всѣмъ бапшарсямъ Европейскаго корабля протелькнулъ блескъ, подобный молніи, и ядро обило адмиральскій флагъ Могаремъ-Бѣя, упавшій крупясь къ ногамъ Ибрагима.

— « Смѣлые люди! » молвилъ Ибрагимъ-Паша и опустилъ голову, не отъ страха, но отъ того, что онъ узналъ, съ какими непріятелями скоро должно было ему сражаться, — и первый выспрылъ Кодрингтона возвѣспилъ ему неминуемое паденіе Луны.

— « Могаремъ, » сказалъ онъ своему Адмиралу, дрожавшему отъ злобы : « Могаремъ, надобно возвращишься въ Наваринъ. »

Могаремъ -Бей не смѣлъ роптать на сіе; но споялъ, какъ бы въ зашмѣніи ума.

— «Надобно возвратишься,» повпорилъ Ибрагимъ, «Я чувствую, что жребій нашъ рѣшенъ. Эпопъ невѣрный непобѣдимъ.»

ГЛАВА XIX.

Смященіе или бѣшенство отражались на всѣхъ лицахъ, когда эскадра возвратилась въ Наваринъ. Одинъ Гассанъ хранилъ спокойный видъ, и казалось, чувствовалъ какое-то удовольствіе отъ того, что быстро приближался день испребленія и мести.

Корабли снази въ боевой порядокъ; построены были новыя башпареніи для ихъ прикрытія, припасены брандеры и все приготоовлено было, чтобы выдержать нападеніе. Но Гассанъ равнодушно смотрѣлъ на сіи работы и приготоовленія.

Нравъ его какъ бы смягчился съ тѣхъ поръ, какъ все возвѣщало близкое исполненіе мрачныхъ его надеждъ. Онъ мало разговаривалъ съ прекрасною своею невольницей; но взоры его не блискали по прежнему, и если онъ не могъ попушить пожиравшей его спраси, то по крайней мѣрѣ, казалось, онъ покорился своей судьбѣ и сшрадалъ безъ ропота.

— «Клеона,» сказалъ онъ однажды: «я думалъ объ Эдуардѣ и о тебѣ.... Оба вы не потерпите опъ бѣдноспи.» — Юная плѣнница вздрогнула, и великодушіе того, кого не могла она любить, извлекло у нея слезу.

— «Гассанъ, отвѣчала она голосомъ умиленія : «благородный Гассанъ! сжался надъ нами, пощади жизнь свою.... Для насъ не будетъ счастья, когда должно купишь его сею цѣною.»

Онъ улыбнулся; но выраженіе лица его было задумчиво. «Восный чело-вѣкъ,» молвилъ онъ, не можешъ всегда по своей воли избѣгать смерти или принять ее, хопя бь онъ боялся или желалъ ея. Безъ сомнѣнія возможное дѣло, что я и переживу насупающее сраженіе.... пошому, что я пережилъ сраженіе при Ваперлоо.

— «Одной милоспи, Гассанъ, одной полько милоспи прошу у себя.... Пусъ же опчаяніе не заставитъ себя забыть, что кровь твоя падешъ на мое сердце.»

Онъ печально попрысъ головою и не опвѣчалъ; ибо намѣреніе его было швердо.

Спуспя минушу, нѣсколько Европейцевъ, находившихся въ службѣ Паши, явились у входа его палашки. «Гассанъ-Бей,» говорили они ему: «флоты Авглійскій, Россійскій и Фран-

цузскій спали передъ гаванью. Конечно они нападутъ на насъ. Надобно или сражаться съ нашими единоземцами, или оставить Ибрагима. Что намъ ренъ ты сдѣлашь?

— «Вамъ какое до того дѣло?» отвѣчалъ Бей съ надменнымъ видомъ. «Вы посланы были къ Пашѣ, какъ невольники, и можете его оставить, какъ изменники.

— «Ты дашь намъ отвѣтъ за такія рѣчи!» вскричали самые отважные.

— «Жизнь наша не намъ принадлежитъ,» отвѣчалъ онъ хладнокровно. «Мы ее продали Египтянину.

— «Такъ ты опшупаешься отъ своей опчизны? Ты готовъ на нее поднять оружіе? . . . Ты больше не Французъ?»

Гассанъ оставался спокойнымъ; ибо презиралъ ихъ. — «Франція меня опвергла,» сказалъ онъ: «увѣряюшь,

будто она вамъ покровительствуетъ: не мудрено, что мы дѣйствуемъ раз-
но. — Вѣроломство и предательство
теперь въ чести: ну, такъ оставьте
ваши знамена, опуститесь опъ И-
брагима . . . . Онъ теперь слабосиль-
нѣ! . . . . Но Ренегатъ Гассанъ не по-
кинетъ въ минуту бѣдствій шого, чей
хлѣбъ онъ ѣлъ.»

Они ушли . . . . и когда мракъ ночи
покрылъ гавань, бывшіе у Паши въ
службѣ Французы бѣжали опъ знаменъ
своихъ на канунъ бинивы.

ГЛАВА XX.

Ночь была темна. Перемстчики взошли на корабль Французскаго Адмирала. Морскіе офицеры ошспоронились ошъ нихъ и ошворопили головы : одинъ только подошелъ посмошрѣшъ на нихъ. Глаза его какъ будто искали между ними кого-шо; онъ не нашелъ того, кого думалъ увидѣшъ и чувсшво радости и гордосши блеснуло на пригожемъ лицѣ его. Но спустя минушу, онъ вздохнулъ и слезы покапились по лицу его.

Ночь была темна, но шиха. Вдругъ услышали шумъ, какъ будто ошъ па-

денія какого-либо тяжелаго шѣла въ море. Люди, споявніе на вахпѣ, удивились. Опросили : никто не отвѣчалъ, сдѣлали перекличку : всѣ люди были на лицо.

Однако же чья-то голова видна была надъ черноватыми верхами волнъ; молодой пловецъ быспро несся къ берегу. Онъ приспалъ, и презрѣвъ всѣ опасности, побѣжалъ къ тому мѣсту, гдѣ было спановище Нубійцевъ.

Много часовыхъ окликало его; много ружей было въ него направлено : онъ не останавливался, и подъ кровомъ мрака достигъ палатки того, кого горѣлъ желаніемъ увидѣть.

Сонъ, царствовавшій по всему спану, не приближался къ этому шапру. Тамъ бодрствовалъ военачальникъ, которій уже не зналъ покоя; подлѣ него юная невольница водила пальцами

по струнамъ звучной лиры и напѣвала любимыя пѣсни война.

Оба, казалось, были погружены въ глубокую задумчивость: плѣнница принуждена была перерывать свое пѣніе, чпобъ опирашь слезы свои. Часно также и воинъ закрывалъ лице свое руками, дабы скрышь свое смяшеніе и опчаяніе.

— «Завтра!» промолвилъ онъ. — Лира вышала изъ рукъ юной дѣвы и она повпорила слабымъ голосомъ: «Завтра!»

— «Если бъ я могъ еще его увидѣшь,» продолжалъ онъ: «если бъ я могъ сказашь ему: Эдуардъ! пожалѣй о пвоемъ братѣ. . . . Онъ любилъ псебя.»

Крикъ радости и нѣжности былъ опвѣшомъ на сіи слова, и пловецъ бросился въ объятія своего брата.

Долго сжимали они другъ друга въ объятіяхъ. На канунѣ биввы, могшей

дашь имъ смерть, они почувствовали, что дружба, съ дѣтства ихъ связывавшая, возродилась во всей силѣ, и одно чувство, брагская любовь, одушевляло ихъ сердца, копорья только любовь иная могла разлучить.

Бей первый началъ разговоръ. «Ты пробрался къ намъ вплавь,» сказалъ онъ : « съ плащя швоего печешь вода; поди сюда, я дамъ тебѣ другую одежду.» — Молодой человекъ изъясилъ ужимкой свое опвращеніе. — « Не бойся,» подхватилъ Гассанъ : « Я дамъ тебѣ не Ренеганское плащье,» и уведя его съ собою, онъ поднялъ завѣсу, копорюю задернуто было самое опдавленное мѣсто спавки.

Туда никогда не проникалъ взоръ человека спороняго; туда и сама Клеона никогда не была допущена. Онъ одинъ зналъ внушренность сего мѣста;

онъ одинъ прикасаясь къ славнымъ останкамъ : знамени, оружію и одеждѣ.

Одною рукою поднялъ онъ завѣсу, другою держалъ серебряную лампу, копорой пламя освѣщало сіи обломки падшаго величія. Молодой Французъ ощупилъ благоговѣйное почтеніе при видѣ изувѣченнаго орла : онъ узналъ шопъ мундиръ, копорый брашъ его носилъ, знакъ опличія, нѣкогда блиспавшій на груди его, саблю, закаленную имъ въ крови непріятельской. — « Вошъ мой сокровища, Эдуардъ! » возкликнулъ Бей. « Возьми ихъ: надѣнь это плашье, еще покрышое прахомъ Ваперлоо; и когда со временемъ ты спанешъ говоришь обо мнѣ своимъ дѣшямъ, то скрой опъ нихъ, что это сердце билось подъ другимъ мундиромъ! »

Онъ поспавилъ лампу, задернулъ занавѣсъ и пошелъ къ юной Майношкѣ.

«Клеона, сказалъ онъ : «забудешь ли ты, что несчастіе заставляло меня иногда быть несправедливымъ? Можешь ли ты нѣкогда безъ ненависти подумать о томъ, кто не могъ быть свидѣтелемъ твоего счастья?»

Юная дѣва, пронувшая до слезъ, прижала къ сердцу своему руку воина. Въ первый разъ онъ осмѣлился коснуться устами лилейнаго чела ея : по былъ поцѣлуй отца! Она покраснѣла. «Сеспра!» промолвилъ онъ нешвердымъ голосомъ.

— «Несчастный Гассанъ!» сказала она въ отвѣтъ. Ей понятно было то, что происходило въ его сердцѣ.

Эдуардъ вышелъ, одѣтый въ прославленный мундиръ. Никогда не казался онъ столь величавымъ своей милой, отъ того ли, что красивое сіе одѣяніе лучше пристало ему и лучше обозначало личныя его совершенства,

или опъ шого, чшо съ нимъ совокуплены были воспоминанія, краснорѣчиво говорившія воображенію гордой Майношки. Она улыбнулась ему : молодой человекъ готовъ былъ броситься къ ея ногамъ. . . Взглядъ его брата удержалъ его.

— « Эдуардъ, » сказалъ Бей, « пощади мою слабоспъ. . . Для Клеоны готово убѣжище на корабль неупральной Державы. Завтра будущая подруга швоя опплывешъ въ Корфу. . . Тамъ будешъ полная свобода вашей любви. »

Молодой Французъ пошупилъ глаза. « Милый братъ : » вскричалъ онъ : « зачѣмъ говоришь ты мнѣ о любви, о счастиі? Спыдъ, опчаяніе и смерпъ, — вопъ мой удѣлъ, когда ты ошпанешся въ рядахъ варваровъ. Скорѣе я скроюсь, убѣгу опъ Французскаго флага, чѣмъ опважусь на злодѣйство, о кошоромъ одна мысль осынаешъ мое

сердце смертнымъ холодомъ: умру опозореннымъ, но не брапоубійцей.»

Гассанъ вздрогнулъ ошъ эшой спрашной мысли. « Не бойся, » молвилъ онъ: « я займу мѣсто далеко ошъ Французскихъ кораблей.

— « Нѣтъ, Родольфъ, » опвѣчалъ юноша съ видомъ недоувѣрчивымъ: « нѣтъ, ты не побѣжишь при нашемъ приближеніи. Если ты сразишься, то сразишься, какъ человекъ храбрый, и чего бы тебѣ ни спѣло, ты выполнишь долгъ воина. . . А я выполню долгъ брата.

— « Несчастный, » прервалъ Гассанъ, схватя брата за руку и сильно ее списнувъ : « не дѣлай такого пятна своему имени! Сразись со мной, если то неизбѣжно, только не яви себя недостойнымъ бышь моимъ братомъ. Что скажетъ старый нашъ отецъ, узнавъ о швоемъ побѣгѣ?

— « Но какъ разперзалось бы его сердце, Родольфъ, когда бы онъ узналъ, что оба сына его пали подъ ударами одинъ другаго! »

Ренегатъ молчалъ съ минушу. Взоры его попеременно устремлялись то на брата, то на прекрасную плѣнницу, и губы его дрожали. « Эдуардъ, » сказалъ онъ наконецъ : « спрана, гдѣ нашель я убѣжище, въ кошоромъ Франція мнѣ опказала, еспь единое мое опечеспво. За нее долженъ я пролить мою кровь, и пролью ее съ радоспью. Ничшо не можешъ меня опвлечь опъ шого. Но смерпъ не будешъ для брата швоего бѣдспвіемъ. Чья бы рука меня ни сразила, я не стану проклинанпъ ее. Жизнь была для меня безъ надежды и безъ обольщеній : смерпъ приму я безъ ропоша и безъ страха. »

Сіе проспое выраженіе безнадежной, но глубокой горести, проникло въ

самое сердце юноши. Слезы брызнули изъ его очей, и онъ вскричалъ, одушевясь великодушнымъ воспоргомъ : «Ты обманываешься, Родольфъ! Не опвергай счастья, которое манишь тебя! Согласись возвратиться въ то прекрасное опечество, которое проспираетъ къ тебѣ объянія, къ родителю, который оплакиваетъ швое опсунствіе, къ брату, гошовому тебѣ всѣмъ пожертвовашъ, къ подругѣ. . . .» И обращаясь къ юной плѣнницѣ, онъ продолжалъ : «Клеона! совокуни швои просьбы съ моими : скажи ему, что мы опъ всего опкажемся для него, что съ насъ довольно будетъ именъ сестры и брата. . . . Что ты будешь любить его. . . .»

Онъ не могъ долѣе говорить. Уша его опказывались произнести слова, кои должны были споншь ему жизни;

и никогда не ощущалъ онъ споль сильно могущества спраспи, господспвовавшей надъ его душею, какъ въ ту минушу, когда налагалъ на себя обѣщъ попушишь ее.

Не смотря на перемѣну въ его лицѣ и голосѣ, не смотря на опчаяніе, написанное въ его глазахъ, одна только черспвая душа могла бы не познашь величія жертвы, которую хопѣлъ онъ принеспи, бивъ, можешъ спашься, не въ силахъ ее выполнишь. Но юная Гречанка была способна поняшь его, и оцѣнишь сіе высокое исполненіе любви, которое почитало душу ея споль возвышенною, чшобы всѣмъ пожерпивоватъ, споль чистою, чшобы предпочешъ благодарность собспвенному счаспію. «Такъ, Гассантъ,» сказала она : «я гопова опплацишь за спвои благодарнія, посвятивъ шебѣ жизнь мою! Пусть завтра не увидяишь

Француза, вооруженнаго прошивъ Французовъ, брата, идущаго на брата, героя, возстающаго на мещицелей за Грецію — и Клеона нивоя!»

Сказавъ сіе, она бросилась къ погамъ Гассановымъ; Эдуардъ сдѣлалъ то же. Щеки ихъ были блѣдны, черпны лица измѣнились; но выраженіе взоровъ ихъ являло что-то высокое, божественное.

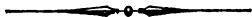
— «Клеона мол!» вскричалъ Бей, и его объятія, простершия къ ней, искали ея, чтобы привлечь къ его сердцу. Моженъ бытъ, явилъ бы онъ слабость. . . . Глаза его остановились на мундиръ, копорый носилъ онъ, сражавшись за Францію, и душа его опыскала вновь свою силу и величіе. «Клеона!» сказалъ онъ: «когда бы ты могла располагать своимъ сердцемъ и опдала его мнѣ, — да, я чув-

спвую, что я могъ бы для тебя пренебречь и спыдомъ, и безчестіемъ, и презрѣніемъ къ самому себѣ. Но спарый солдатъ не такъ униженъ духомъ, чтобы принялъ руку женщины, которая ошдается ему изъ одного повиновенія. Будь счастлива съ тѣмъ, кого ты больше любишь, и оставь мнѣ одно благо, у меня оспающее: честь мою и негодованіе. А ты, Эдуардъ, если любишь меня, если не хочешь пролить новую горечь на послѣднія минуты жизни своего брата, — будь вѣренъ Франціи, какъ Гассанъ долженъ быть вѣренъ Египту.»

Онъ умолкъ. Юноша и дѣва спояли въ опчаяніи: ибо для нихъ ясно было, что невозможно было ничѣмъ поколебать его рѣшимости.

— «Братъ мой!» продолжалъ онъ послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія: «не хочу опнимать у себя наслажде-

нія, розговариваюць съ швоею невѣстой.
Мнѣ должно итти въ шаперъ Паши;
съ упреннею зарею прійду я сюда,
чтобъ обезпечить швое возвращеніе.»
И съ крайнимъ усиліемъ надъ самимъ
собою, онъ распался съ ними и ско-
рыми шагами ушелъ изъ своѣй па-
лапки.

ГЛАВА XXI.

Сошедши въ шапръ Ибрагимовомъ, начальники морскихъ и сухопутныхъ силъ разсуждали о предложеніяхъ Европейскихъ Адмираловъ, и о способахъ опразить или испребишь корабли ихъ. Тутъ сидѣли другъ подлѣ друга : Турокъ, важный, молчаливый и упорный, Черкесъ, беспрашный и пылкій, гордый Албанецъ и скрыпный Мавръ. Сложъ на-крестъ ноги на своихъ подспилкахъ, а руки на груди, и устрема глаза на юнаго Пашу, они мало произносили словъ : но слова сіи были сильны и зрѣло обдуманы.

Одинъ только человекъ, Капишанъ-Бей, не завися прямо отъ Ибрагима, изъяснялся съ бѣльшею смѣлостію. « Великъ Богъ! » сказалъ онъ : « а Гяуры невѣрныя собаки. Какъ мы слѣпы, что принимаемъ иновѣрцевъ на наши суда. Они опдыхали подъ нашею пѣльню, во время пишины; а теперь исчезли какъ мошки, съ приближеніемъ бури. »

Молодой Паша сдѣлалъ ужимку безопасности и презрѣнія. « Они научили нашихъ матросовъ правилъ кораблями, » опвѣчалъ онъ : « намъ не было въ нихъ нужды на сраженіяхъ. »

Одинъ изъ младшихъ чиновниковъ началъ говорить. « Голова Франка шапка, » сказалъ онъ : « и чалма не удержиш ея на одномъ мѣспѣ. »

— « Что говоришь Ахметъ-Ага? » спросилъ Ибрагимъ, османою на немъ

взглядъ подозрительный и пронца-
пельный.

— « Богъ да пошлетъ долгія лѣта
пвоему высокомоцію! Наши видѣли
новаго Мусульмана между Паликарами
спараго Колокопрони; а теперь вошь
Хрисціанинъ принялъ въ шапрѣ э-
шого предашеля.

— « Назови мнѣ его!» вскричалъ
Ибрагимъ, запрепешавъ.

— « Кто можешь назваць по имени
этого челоуѣка, попому что онъ
родился между собаками-Глурами? Пра-
вовѣрные называющъ его Гассанъ-Бе-
емъ.

— « Гассанъ-Бей!» вскричалъ юный
Полководецъ. « Низкая душа! Такъ Гас-
санъ - Бей ты обвиняешь? — Языкъ
пвой сказалъ ложь, и голова пвоя
упадеть. »

Онъ подалъ знакъ — и несчастный
былъ схваченъ и уведенъ двумя чер-

ными невольниками. Чрезъ минушу кровавая голова его была вопкнута на копье и выспавлена на позоръ.

Никакое оущеніе не опразилось на лицахъ другихъ чиновниковъ, и совѣщанія продолжались по прежнему. Однако жь опсушесвіе Гассаново было замъчено и Кьюшай-Бей не разъ уже искалъ глазами своего друга.

Онъ вошелъ наконецъ. Взоръ Ибрагима оспановился на немъ привѣтливо, не смопря на долгое замедленіе, въ кошоромъ онъ былъ виновенъ : ибо наступала минуша, когда жребій войска могъ зависѣть опъ одного чловѣка; а юный Паша умѣлъ цѣнить Гассана.

Капитанъ - Бею слѣдовало подапъ свое мнѣніе. Онъ поднялъ огромную свою голсву, повель рукою по бородѣ и сказалъ важнымъ голосомъ : « Видно, невѣрный очень боипіся, когда доку-

часть намъ безпрестанными пересылками. Мой совѣтъ : ежели Гяуры пришлютъ къ намъ еще людей для переговоровъ, то закричай имъ : а larra! а послѣ спрѣляшь.»

Большинство голосовъ одобрило сей совѣтъ. Самъ Ибрагимъ, хотя и не желалъ первый начать непріятельскія дѣйствія, твердо рѣшился не пошерпѣть, чпобы Хрисціане предписывали ему законы. Онъ объявилъ, что въ ту же ночь уѣдетъ изъ лагерь, и что его отсутствіе должно быть достаточнымъ предлогомъ къ опдаленію посланныхъ Европейскихъ. « Но если бы весь флотъ пришелъ ожидать моего прибытія въ здѣшнюю гавань, » прибавилъ онъ, « ибо таково, кажется, ихъ намѣреніе : погда какія должно принять мѣры? »

— « Развѣ нѣтъ у насъ брандеровъ? » опшвѣчалъ Канишанъ-Бей. « Гяуры сами

научили насъ всѣмъ своимъ дьявольскимъ изобрѣшеніямъ. Великъ Алла! мы сождемъ ихъ суда.

— «А какъ же мы спасемъ наши ошъ огня?» спросилъ Могаремъ-Бей.

— «Алла не допуспитъ, чшобъ его служипели смѣшаны были съ невѣрными,» опвѣчалъ Турокъ самонадѣянно.

— «А ты, Гассанъ-Бей,» сказалъ Ибрагимъ : «шебъ знакомъ образъ войны нашихъ враговъ : ты какъ думаешь?»

Гассанъ вздрогнулъ : ему слѣдовало произнести смертннй приговоръ своего брата; но высокомерное сердце его не преклонилось, и негодование переселило горестъ. «Сождемъ ихъ,» вскричалъ онъ, «хопя бы намъ должно съ ними погибнуть! Пошерпимъ цѣлый день досадное ихъ здѣсь пребываніе, не спашемъ опвѣчашъ на

ихъ вызовы : дождемся шерпѣливо но-
чи и мщенія!

— « Гассанъ умно говоришь, » под-
хванилъ Капипанъ-Бей, и одобритель-
ный говоръ раздался въ собраніи. Усло-
вились о порядкѣ, въ какой должно
было поставить суда, и начальство
надъ первымъ брандеромъ предоста-
влено было неуспрашимоу Бейю. По
данному опъ него знаку, всѣ корабли,
всѣ бапшарей и большія пушки ци-
падели должны были сыпать смертью
въ Европейцевъ, тогда какъ зажига-
пельныя суда понесутся въ средину
ихъ линей. Ибрагиму слѣдовало уда-
литься, чтобы лучше устранишь всѣ
подозрѣнія, и никого изъ непріятелей
положено было не оставлять въ жи-
выхъ, кто бы могъ разсказать въ Ев-
ропѣ всѣ обстоятельство гибели, дол-
женствовавшей поселить въ Хрисціа-
нахъ ужасъ и горе.

ГЛАВА XXII.

Военачальники разошлись попомъ, чшобы наблюдать за выполненіемъ сего важнаго намѣренія. Молодой Паша, съ цѣлою дружиною конницы, пустился по дорогѣ въ Папирасъ. Капитанъ - Бей, Адмиралъ Египетскій и другіе, отправились на свои корабли или къ шашрамъ своимъ.

Гассанъ и Кьюшай-Бей шли въ молчаніи другъ подлѣ друга. Голова Ренета опустилась на грудь и шаги его были нетверды. «Ты какъ будшо страдаешь?» спросилъ Египтянинъ.

— «Я страдаю? . . . Это лучшій день въ моей жизни.»

Но то были одни слова : смертная поска изображалась на лицѣ воина.

— « Другъ Гассанъ ! не скрывайся отъ меня. Ты мнѣ сказывалъ, что у тебя есть бракъ между невѣрными : я понимаю, что ты боишься за него. Хочешь ли ? мы подъ какимъ - либо предлогомъ заманимъ его на землю и задержимъ его въ полону до окончанія битвы.

— « Ишь ! » отвѣчалъ Гассанъ : « онъ былъ бы опозоренъ.

— « О Гяуръ, Гяуръ ! » подхватилъ Египтянинъ : « сколько еще суепности у тебя въ головѣ ! Но скажи мнѣ, кто же узнаетъ, что случилось съ этими Евронейцами, когда они уснутъ подъ волнами морскими ?

— « Онъ самъ будетъ знать, » отвѣчалъ воинъ : « и вѣрь мнѣ, сынъ Африки, что лучше умереть, нежели чувствовашь угрызеніе совѣсти !

— « Ты дурно разсуждаешь, Гассанъ. Человѣкъ не можешь роптать на судьбу, когда она ему благопріятствуетъ. Къ тому же мы сдѣлаемъ такъ, какъ будто ты ничего о томъ не знаешь. Онъ подумаетъ, что одинъ только счастливыи случай спасъ ему жизнь. »

Бей призадумался на минушу. Можеть бышь онъ и опвергнулъ бы предложеніе Египтянина, когда бы послушался только своего сердца. Но онъ самъ себѣ не довѣрялъ. Онъ предоспавилъ бы судьбѣ спасеніе своего брата; но не хотѣлъ подвергнуть почти неизбѣжной смерти своего соперника. — « Спупай же, » сказалъ онъ Кьюшаю. . . . « Онъ въ моемъ шапирѣ; удержи его именемъ Ибрагима. » — И подозвавъ нѣсколько Нубійцевъ, онъ велѣлъ имъ выполнятъ всѣ приказанія Кьюшая.

Небольшой опрядь сей пошелъ безъ шума къ шашру, гдѣ думалъ найши Француза. Гассанъ споялъ недвижно въ нѣкопоромъ распояніи, выпянувъ голову впередъ и успремя взоръ. Онъ силился проглянушь сквозь мракъ, вслушивался въ малѣйшій шумъ; но никакой свѣтъ, никакой звукъ не опвѣчалъ его безискойному любопытству, и пропекло нѣсколько минушь прежде, чѣмъ онъ узналъ что-либо.

Наконецъ послышались человѣческіе шаги. Кьюшай возвратился. «Другъ,» молвилъ онъ : «собака не кусаетъ руки, се ласкающей; но невѣрный хуже собаки. Братъ пвой ушелъ и увелъ съ собою живою невольницу.»

Смертный холодъ осьпалъ сердце Бей. Онъ не опвѣчалъ, не сдѣлалъ никакого движенія. Въ глазахъ его пошемнѣло и дыханіе замерло.

— « Мы нашли только умирающего евнуха, » продолжалъ Египтянинъ, « и опъ него узнали объ нихъ побѣгъ. »

— « Опъ лжець! » вскричалъ Гассанъ. « Пойдемъ, заснавимъ его признашься. . . . » — Съ сими словами опъ бросился къ шапру; но Огуль уже умеръ.

Гассанъ съ шрепешомъ осмопрѣлъ рану, полученную невольникомъ въ грудь. Скоро былъ онъ пораженъ ужасною достовѣрностью. Волосы спали у него дыбомъ и холодный потъ выступилъ на лицѣ. « Эпа рана дана шпагой, » промолвилъ онъ : « они мнѣ измѣнили! »

Кьюшай молча сѣлъ въ шапръ. Онъ не старался упѣшать своего друга словами : одни взгляды его говорили, что онъ раздѣлялъ гореснь Гассанову.

Гореснь сія представляла нѣчто величественное и грозное. Пораженный въ сердце шѣми, коихъ онъ любилъ,

Гассанъ, казалось, утратилъ даже силу съговаривать. То не была гибкая проснь, приклоняющаяся отъ бури и вновь возстающая. То былъ твердый дубъ, коего величавое чело поникло впервые и впоследствии.

— «Кьюпай,» сказалъ Гассанъ безъ слезъ и безъ изъявленія гнѣва: «Кьюпай! какъ они меня оскорбили! Я того не заслуживалъ.»

Египтянинъ вздрогнулъ, видя его сполнъ спокойнымъ. Онъ печально покачалъ головою и молвилъ, указавъ пальцемъ на бумагу, положенную на софѣ: «Я думаю, они это для тебя оставили.»

Тотъ ужасный смѣхъ, копорый слѣдуешь иногда за корчами умирающаго, обезобразилъ поблѣднѣвшія губы Гассановы. «Сожги эту бумагу!» отвѣчалъ онъ. «То была ложь: у меня не было брата!...» Потомъ, съ преж-

нею своею гордою осанкой и повелительнымъ взглядомъ, онъ вскричалъ : « До завтра, Кьюшай, до завтра! »

Кьюшай всячески хопѣлъ, чшобы гнѣвъ воина разразился. Онъ чувствовалъ, чшо горестъ была бы для него погда менѣе опасна. « Гассанъ, » подхватилъ онъ : « ты хопѣлъ щедро надѣлишь его. Еще время : ты можешь попробовать назадъ бумагу, отосланную побоею къ Англійскому Консулу. Ты можешь опомешись за себя. »

Гассанъ посмошрѣлъ на него равнодушно. Щеки Ренегаша были блѣдны, чело поникло; но видъ его былъ спокоенъ. « Есть скорби, кошорыя ушюляются мщеніемъ, » отвѣчалъ онъ ; « но этѣ скорби гораздо слабѣе. — Пойдемъ, Кьюшай; скоро насшунитъ заря : пойдемъ пригошювяшь наши бапшарей и корабли. »

Онъ схватилъ его за руку и увлекъ скорыми шагами; но рука, сжимавшая руку Египтянина, была холодна, какъ трупъ.

ГЛАВА XXIII.

Вмѣстѣ взобрались они на высоты, командующія старымъ Навариномъ, и спавъ на обломкахъ полу-разрушенной башни, обозрѣвали гавань и безпредѣльное море.

Влѣво отъ нихъ уже показывались бразды свѣта, озлащившія небосклонъ и дальніе верхи горъ Аркадійскихъ. Скоро кругообразный заливъ, лежащій между старымъ и новымъ городомъ, опразилъ въ себѣ лучи возходящаго солнца, и флотъ Опшоманскій какъ бы чародѣйствомъ выпунилъ изъ лона воды. Онъ споллъ на якоряхъ вдоль

берега, защищаемый островомъ Сфакперіей, пропягивающимся, подобно гранишной площинѣ, опъ одного конца гавани до другаго и едва оставляющимъ узкую полосу воды для пропуска кораблей. Шанцы и бапшареи покрывали сей островъ; за нимъ возвышалась ципадель новаго Паварина и бѣлѣлись палатки спана восннаго.

Корабли, спанъ и ципадель — все казалось опущѣлымъ и безжизненнымъ : едва замѣпны были памъ и сямъ нѣскольکو часовыхъ, недвижныхъ и какъ бы пригвожденныхъ къ своимъ мѣспамъ. Вдругъ раздася голосъ съ адмиральскаго корабля — и сопни голосовъ ему опвѣчали : то былъ знакъ къ упренней молишвѣ. Въ одно мгновение городскіе валы, суда и берегъ покрылись солдапами : можно бы подумашъ, что голоса Муадзиновъ возвращили жизнь флоту и арміи.

Ни лагери, ни пристани образованной Европы не могли бы изобразить собою зрѣлища, предспавлявшася тогда взорамъ двухъ воиновъ. Между Мусульманами господспвовали какая-то дикая дѣлпельность и буйная шоропливость, невѣдомыя нашимъ регулярнымъ войскамъ. *Татары* скакали по всѣмъ направлѣнїямъ, *топки* или канонеры паскали на себѣ свои орудїя, малыя суда переплывали по съ швердой земли на островъ, по съ острова на швердую землю; и какъ безпорядокъ множилъ бесполезныя движенїя, то волценїе возраспало съ каждою минушой.

Скоро и военныя суда пронулись съ мѣспа, чшобы спашь въ боевой порядокъ. Эскадра Египеспская выпянулась у форвапера, подъ защишною островскихъ бапшарей и цинадели. Большїе фрегаты ея, равномѣрные ко-

раблямъ, спали на якорѣ другъ подле друга, споль близко къ берегу; сколько имъ позволяла глубина. Другіе легчайшіе фрегаты, галеры и бриги, наполнили весь промежутокъ между сею первою линеей и берегами; такъ что сіи суда, составленныя одни къ другимъ и прочно утвержденныя на мѣстѣ кананами и большими якорями, менѣе похожи были на эскадру, чѣмъ на крѣпость, опоясанную тройнымъ валомъ и тройными бапшарями.

Адмиралъ Египетскій, Могаремъ-Бей, занялъ свой постъ на средней оконечности; на пистолетный выстрѣлъ оный него, споль корабль Капишанъ-Бей, составлявшій собою голову флота Турецкаго. Его суда вышинулись также въ при линии вдоль берега и острова, такъ, чтобы оставишь свободное мѣсто для пришедшихъ съ нимъ транспортовъ. Совокупность

обѣихъ эскадръ представляла собою видъ подковы; и ея перекрестные 'выстрѣлы на всѣхъ пунктахъ подкрѣплялись еще бапшарями, построеными на окружныхъ высотахъ. Казалось невозможнымъ, чтобы какой-либо непріятель отважился войти въ средину сего ужаснаго круга, не получивъ мгновенно наказанія за свою дерзость.

Но то была только часть оборонительныхъ средствъ у Турокъ : они болѣе полагались на ужасное дѣйствіе брандеровъ, приведенныхъ ими. Шесть изъ сихъ зажигательныхъ судовъ сплюснули вправо отъ форвапера, такъ, чтобы Европейцы не могли ихъ примѣнить до самой той минуты, когда имъ не оспалось бы никакого способа отъ нихъ укрыться. Прочіе, прикрываясь кораблемъ Капитанъ-Бел и Тунисскимъ фрегатомъ, равномерно

должны были не прежде явиться, какъ въ по мгновеніе, когда имъ должно было все испребляшь.

Посмотрѣвъ нѣсколько времени на сіи грозныя пригопвленія, Гассанъ и Кьюшай оборопили глаза на право. Тамъ примѣнили они, вдали, на поверхности Африканскаго моря, немногочисленный флотъ, споявший безъ движенія. Огромные валы, вѣчно вздымаемые западнымъ вѣтромъ на семь бурномъ морѣ, казалось, едва колыхали корабли сего флота, и можно бы подумать, что они спояли на якорѣ, когда бы возможно было предполагать существованіе якорныхъ мѣстъ на такомъ разстояніи отъ берега.

Кьюшай-Бей сосчиталъ до прирццати вымпеловъ — и улыбулся. «Такъ вопъ все,» молвилъ онъ, «что Европа могла пропить насъ выслать? Англія, Россія и Франція, соединясь вмѣстѣ,

вооружили только тридцать судовъ.
А у насъ ихъ больше ста!

— « Счипать ихъ надобно послѣ
бипвы, » опивчалъ Гассанъ съ выра-
зительнымъ взглядомъ. « Но мы долго
здѣсь засмопрѣлись, » прибавилъ онъ
попомъ. « Мой посѣтъ на брандерахъ;
пшвой — на кораблѣ Могаремовомъ. »

Они сошли на берегъ и попотребовали
шлюпку. Плывъ по заливу мимо кора-
блей, вездѣ замѣчали они приготовле-
нiя къ бипвѣ. Сами Турецкіе офицеры
какъ будто бы выходили изъ привыч-
наго ихъ равнодушiя. Они приказывали
при себѣ заряжать пушки, раздавали
солдатамъ и мапросамъ оружіе, порохъ,
пули. Опъ Капипанъ-Бей до самаго низ-
шаго чиновника, всякъ нарядился въ бо-
гатѣйшее свое платье, чшобъ изумить
взоры Европейцевъ. Всѣ флаги обла-
стей, находящихся подъ властію Оп-

шпоманской Державы, были выпавлены на верхахъ мачтъ; а большой красный флагъ, съ полумѣсяцомъ и звездой, великолѣпно развѣвался на Адмиральскомъ кораблѣ.

ГЛАВА XXIV.

Кьюшай - Бей взошелъ на корабль Могаремовъ, а Гассанъ хотѣлъ отпра-
вись кь своему посту. Онъ былъ
удержанъ при Египетскомъ Адмиралѣ
приближеніемъ Европейскаго Фрегата,
о которомъ возвѣщено было въ шу
минушу.

— «Какъ!» возкликнулъ Гассанъ:
«уже ли мы допустимъ непріятель-
скій фрегатъ войти въ гавань, чпобы
обозрѣть наши силы и наблюдать за
нашими движеніями? Его должно при-
нять пушечными выстрѣлами.

— « О чемъ ты заботишься? » отвѣчалъ Адмиралъ. « Это дѣло Капишанъ Бей.

— « А ты, Могаремъ, развѣ не смѣешь предупредить его повелѣнія? »

— « Ни за что въ свѣтѣ! Это до меня не касается. »

Гассанъ соскочилъ въ шлюпку. « На корабль Капишанъ-Бей! » крикнулъ онъ своимъ гребцамъ и мигомъ былъ шуда доставленъ.

Турокъ уважалъ Ренегата. Онъ принималъ его дружески и выслушалъ со вниманіемъ; потомъ улыбувшись усмѣшкой челоуѣка шонкаго и удара слегка по плечу Бей, онъ сказалъ только : « Лишь бы они не могли опсиода уйши! »

Краска негодованія вспыхнула на щекахъ Гассановыхъ. « Это было бы вѣроломствомъ! » вскричалъ онъ.

— « Они хотѣли насъ обмануть, »
хладнокровно оповѣчалъ Турокъ : « да
мы скорѣй ихъ обманемъ. Невѣрному
ли бытъ умѣе Правовѣрныхъ! »

Бей хотѣлъ оповѣчать; но Фрегатъ
показался у входа въ гавань и всѣ глаза
на него обратились.

То былъ Дармушъ, одно изъ слабѣй-
шихъ судовъ Хрисціанскаго флота.
Онъ тихо шелъ впередъ, на непол-
ныхъ парусахъ и съ закрытыми *пор-*
тами. (*) Артиллерисшы цитадели и
островскихъ башипарей наклонились
къ своимъ орудіямъ при его прибли-
женіи; грозный крикъ раздался вдоль
всей Египетской линии. Фрегатъ не
останавливался : ни малѣйшій страхъ
не выказывался на лицахъ офицеровъ,
стоявшихъ на палубѣ; видъ опасно-
сти не смущилъ ихъ сердца : Они

(*) Смощи примѣчаніе въ главѣ XVIII.

считали себя неуязвимыми подъ покровительствомъ Англійскаго флага.

Они спали на якорѣ подлѣ Капитанъ-Бесва корабля. «Гассанъ,» молвилъ Турокъ : « Англія небольшая земелька и народа въ ней немного. Посмотри, какъ мало мапресовъ на эпомъ фрегата!»

— « Это отъ того, что изъ нихъ каждый спобитъ многихъ своихъ ,» отвѣчалъ Ренегатъ.

— « Мнѣ сказывали, что ты ихъ ненавидишь,» подхватилъ Капитанъ Бей, на лицѣ коего обличалось удивленіе.

— « Да, я долженъ ихъ ненавидѣть!» вскричалъ Гассанъ : « да! видъ ихъ флага мучилъ мое сердце, и эти красные мундиры морскихъ солдатъ ихъ приводилъ всю кровь мою въ кипѣніе... Но я съ ними дрался, я знаю ихъ : солдаты Наполсоновы не больше были неуспрашими!»

Сказалъ — и опворопя голову,
чшобъ не видѣшь долѣ старинныхъ
своихъ враговъ, онъ бросимся въ ладью,
на кошорой ему должно было плышь
къ своему посту.

ГЛАВА XXV.

Между новымъ Павариномъ и оспровомъ Сфактеріей находишся единственнѣйшій форваршъ, копорымъ могушь проходить въ гавань большія суда. Этошъ узкій форваршъ спѣсненъ скалами оспрова и полосою земли, на коей возвышается крѣпость. По сю сторону, подъ прикрѣпѣемъ высопы и подъ защитой пушекъ цитадели, стояли шесть брандеровъ, ввѣренныя Ренсгашу.

Онъ взошелъ на первый изъ нихъ и шамъ, среди военныхъ снарядовъ и орудій испребленія, сѣвъ на кормѣ

брандера, окруженный смертоносными припасами и готовый пролить кровь своихъ единоплеменниковъ и свою собственную, изгнанникъ Гассанъ перенесся мыслью къ берегамъ Франціи, какъ будто бы въ ту минуту, когда собирався жертвовать жизнью, хотѣлъ онъ почувствовать ее менѣе горькою.

Посмѣнно память его рисовала ему мѣста, гдѣ пропекло счастливое дѣяніе его : кровлю, служившую ему первымъ убѣжищемъ; храмъ, въ которомъ изучилъ онъ первую молитву; военное училище, гдѣ умъ его былъ напичканъ высокими мыслями, а душа чувствованіями благородными; воинскій станъ, гдѣ впервые увидѣлъ онъ величавые строй пѣхъ легионовъ, кои были грозою почти всей Европы, — и равнину, на которой впервые услышалъ онъ крикъ побѣды. Но другое воспоминаніе, воспоминаніе жестокое,

смѣшивалось съ сими мечтами пріятными и славными. Онъ думалъ о спаромъ своемъ опцѣ и изъ глубины сердца его возставалъ голосъ, обвинявшій его въ неблагодарности.

Тысячу разъ на полѣ битвы Гассанъ презиралъ смерть, которая казалось неизбѣжною. Но тогда смерть сія была прекрасна для воина, защищавшаго свою опчиэну. Она являлась ему теперь безъ лавровъ и обольщеній, сопровождаемая только горемъ, стыдомъ и укорами совѣсти. . . . тѣми укорами, коихъ не могли заглушить десять лѣтъ изгнанія и спраданій. Онъ однако жъ не боялся ея, но предчувствовалъ, что она будетъ ужасна.

Взоры его искали вокругъ себя взоромъ друга, соопчича; сущеслива, могшаго понять его и пожалѣть о немъ: онъ видѣлъ только или незнакомцевъ, или невольниковъ. Въ его глазахъ не

были даже и людьми сіи варвары, и-
скавшіе въ опіумѣ упоенія и опваги.

— « И я могъ бы также, » подумалъ
онъ на минушу, « усынишь мой разумъ
и заглушишь мою горестъ . . . . Но
нѣтъ! » продолжалъ онъ съ горькою
улыбкой. « Сердце это прежде пере-
станеть биться, нежели упрасишь
сознаніе самого себя, прежде нежели
скопскую безчувстввенность предпо-
чтешь спраданію! »

Таковы были мысли, раждавшіяся въ
душѣ война въ нѣ мгновенія, когда
онъ мечпалъ, что предѣль его попри-
ща уже приближался. Ни брапъ, ни
любимая имъ невольница не развлекали
уже его воспоминаній. Можно бъ было
подумашъ, что сила полученнаго имъ
удара заглушала его боль, и что душа
его, пораженная измѣной, уносила
вся въ миувшее.

Скоро смѣшанный гулъ вывелъ его изъ задумчивости : повсюду господствовало безпокойное волненіе. Онъ оборотилъ глаза на Дармунгъ, и увидѣлъ, что моряки снимались съ якоря. Но не по было причиною смясенія : терпѣніе Европейцевъ утонуло и флотъ ихъ пошелъ впередъ.

Вдругъ вопли мажросовъ и движенія солдатъ прекратились. По всему пространству береговъ и гавани воцарилось молчаніе изумленія и недвижность ужаса. Непрiятель былъ туше!

Величавый корабль, прежде другихъ пройдя форваптеръ, медленно вошелъ въ гавань. Гассанъ узналъ его и вздрогнулъ : это былъ шонъ самый корабль, отъ котораго убѣжала Египетская эскадра; на немъ развѣвался флагъ побѣдителей при Абукиръ и Трафальгаръ. При семъ зрѣлищѣ, вся кровь Ренегата прихлынула къ сердцу. « Въ эпоху

разъ по крайней мѣрѣ они не возшоржеспвуютъ!» проговорилъ онъ, покачавъ головою. «Если они падушъ, если ни одинъ изъ нихъ не спасется — то я умру довольнымъ!»

Между тѣмъ Азія (такъ назывался корабль) все шла впередъ по волнамъ гавани. Два другіе корабля, Альбіонъ и Генуа, за нею слѣдовали. Немногіе моряки, повисшіе мѣспами по реямъ и снастямъ, приводили ихъ въ движеніе съ волшебною ловкостью, и манѣвръ эскадры какъ будто бы производился самъ собою, безъ всякаго инаго шума, кромѣ рѣзкихъ сигналовъ свистка, подаваемыхъ младшими офицерами.

Такова власть опваги, что она внушаетъ уваженіе даже въ самыхъ ожеспоченныхъ непріятелей. Когда высокомѣрный Гассанъ увидѣлъ сіи три корабля, одни только вошедшіе въ гавань; когда Англійскій Адмиралъ по-

плыль прямо къ центру линии Мусульманской и поставилъ Азію между огромнымъ кораблемъ Канипанъ-Бея и кораблемъ Могаремовымъ, подвергаясь такимъ образомъ всему огню Турокъ и Египтянъ, — взоръ Ревегаша переспалъ выражать злобу и удивленіе показалось на лицѣ Гассана.

Появился фрегатъ при входѣ въ гавань. Едва носъ его показался — и уже Гассанъ поблѣднѣлъ. — Фрегатъ сей былъ Французскій.

— « Вошъ наконецъ и они! » вскричалъ воинъ. « Я думалъ, что они пусятъ Русскихъ впередъ. Но видно не хотѣли поставить Французскихъ кораблей въ арьеръ-гардъ изъ опасенія чтобъ они не дрогнули. Вошъ они оспановились, поворачивающъ : они не смѣющъ слѣдовать за Англичанами. О Франція жалкая! твои ли эшо дѣши? »

Гассанъ былъ неправъ. Французскій фрегатъ, на коемъ находился Адмиралъ Де-Риньи, въ самомъ дѣлѣ поворошилъ, но не для избѣжанія опасности. Онъ пустился вправо, и прошелъ наπισполешный выспрѣлъ опъ Ренегата. Сей послѣдній могъ размопрѣшь въ лица людей, на немъ находившихся. Онъ слышалъ приказанія, опданныя на Французскомъ языкѣ; онъ узналъ шѣхъ самыхъ людей, кои, подъ другими знаменами, были его сослуживцами, — и почувшвовалъ, что чалма стягчала ему голову.

Адмиралъ велѣлъ бросить якорь подлѣ перваго фрегата Египетскаго; здѣсь былъ онъ подъ самыми выспрѣлами ципадели, копорой большія орудія топчасъ были направлены въ пуспорону; съ пылу у него спояли брандеры и большіе Египетскіе брига, могшіе бить фрегатъ его попе-

речными выстрѣлами. Спереди его выпягивалась вся эскадра Паши; а съ боку спояль Фрегатъ, гораздо сильнѣйшій и людьми и пушками, и защищенный двумя другими рядами непріятельскихъ судовъ.

Радостныя слезы навернулись на глаза Гассана, когда онъ увидѣлъ, что былъ споль благородно обманушь въ своихъ ожиданіяхъ. «Высокоспенный Бей,» сказалъ ему кормчій его: «развѣ ты не видишь, что на насъ идушь Англичане?» — Не слушая его, Ренегатъ указалъ ему на Сирену и вскричалъ съ воспоргомъ: «Смотри: они выбрали самый опасный постъ. Да! они все еще Французы!»

Между тѣмъ Дармупъ, нѣсколько уже часовъ находившійся въ гавани, замѣпилъ брандеры и пошелъ на нихъ, чпобъ опнять у Ренегата способы вредить. Уже лодки его спущены были

въ море и наполнялись вооруженными людьми. Одного взгляда было доспа-почно Беоу, чшобы поняшь ихъ намѣ-реніе. « Я предвидѣлъ эшо, » молвилъ онъ самъ себѣ : « эшопъ фрегаты раз-рушишь нашъ планъ. Намъ оспасенъ одно чшо нибудь : или напасъ на неспріятеля до прибытія оспальныхъ его силъ, или оспавишь его спокойно принимашь свои мѣры и распоряжаешь своими кораблями для вѣрной побѣды. Начнемъ ; жребій брошенъ ! » — обо-ропясь къ своимъ мапросамъ, онъ ве-лѣлъ опрубить канашъ, на коемъ держался его брандеръ, и пригошо-вить оружіе.

Скоро первая Англійская ладья по-дошла къ брандеру. Каковы бѣ ни были впрочемъ намѣренія находивших-ся на оной людей, но нельзя было сомнѣваться, чшо они хошѣли разру-шительный эшопъ брандеръ приве-

спи въ несосполянїе вредить ихъ флоту. Ихъ приняли ружейными выстрѣлами. Гассанъ своеручно зажегъ испрѣбительный снарядъ и спуская дрейфомъ небольшой свой брандеръ, посреди облаковъ дыму и града пуль, съ саблей въ рукѣ и порожесивомъ на чель, подплылъ подъ самую корму Англійскаго фрегата. Огонь, извергаемый его брандеромъ, жегъ его одежду; волосы его были уже опалены, руки въ крови; но улыбка мщенія свѣпилась на устахъ его.

Еще одинъ мигъ — и страшный взрывъ ознаменовалъ бы начало битвы. Вдругъ ядро самаго крупнаго калибра раздробило киль брандера: вода хлынула въ него оповсюду и Ренегатъ былъ поглощенъ волнами со всѣмъ своимъ экипажемъ и горящими обломками своего судна.

ГЛАВА XXVI.

Съ первыми ружейными выстрѣлами брандера Гассанова, сосѣдніа суда начали палить по Европейской эскадрѣ. Французскіе линейные корабли, проходившіе тогда еще форваперъ, пошчасъ увидѣли себя подъ огнемъ башарей оспрова и цинадели, между нѣмъ какъ фрегаты подъ Адмиральскимъ флагомъ, ошвѣчалъ сильною и непрерывною пальбою на выстрѣлы Египетскихъ судовъ. Въ то же время Кашишанъ-Бей сдѣлалъ залпъ по Азіи, и вся Турецкая линейа, подражая примѣру его, осыпала Англійскую эскадру мраморными и чугуными ядрами.

Въ минушу весь объемъ гавани покрылся дымомъ. Выстрѣлы изъ орудій безпрестанно усиливались. Иногда только, среди сего ужаснаго гула, раздавался тройный залпъ Европейскаго корабля, и вслѣдъ за шѣмъ наспавала мгновенная тишина. Пушки Турецкія тогда умолкали, какъ вой гіены или барса предъ рыканіемъ льва.

Англійскій Адмираль, спавъ между кораблями Капитанъ - Бея и Могарема, нашелся бы въ большой опасности, когда бъ Египтянинъ напалъ на него въ одно время съ Туркомъ. Но, либо Могаремъ - Бей не приготоовился къ сраженію, либо онъ радовался, видя, какъ громили Капитанъ - Бея, или другая какал причина удерживала его; только онъ оставался какъ бы спороннимъ зрителемъ и предоспавлялъ двумъ Адмираламъ бороться между собою, можешъ бышь съ храбростію

равною, но съ средствами весьма различными. Неловкость Турокъ дѣлала то, что всѣ почти выстрѣлы пущены были на вѣтеръ, и уже пальба ихъ спановилась слабѣе; уже нѣкоторыя изъ ихъ орудій были подбиты, другія покинуты артиллеристами и все предвѣщало скорое ихъ разрушеніе.

Вдругъ какой-то человекъ явился на палубѣ Египетскаго корабля. Одежда его, руки и лице были обожжены; морская вода шекла со всего шѣла; но осанка его, движеніе, голосъ обличали въ немъ военачальника. «Предатель!» вскричалъ онъ, взглянувъ на Могарема: «шакъ ли ты подаешь помощь своимъ братьямъ?»

— «Схватишь этого бѣшеннаго и бросишь его въ море!» вскричалъ Адмиралъ находившимся подлѣ него.

— «Схвапипшь его!» подхвапипль Кьюшай-Бей съ удивленіемъ и спрахомъ : «эпо Гассанъ-Бей!»

Въ сію минупу одинъ изъ Египтянъ, огорченный упрекомъ Ренегата, выспрѣлилъ изъ ружья по Англійской шлюпкѣ, подплывавшей подъ флагомъ парламенпера. Но сего было не довольно, чшобъ сильнѣе завязашь сраженіе : неумолимый Гассанъ бросился къ одному канонеру, вырвалъ у него фипиль, самъ приложилъ его къ заправкѣ орудія и потомъ, сложа крестомъ руки на груди, сказалъ : «Могаремъ! шеперь можешь опдашь меня швоимъ палачамъ.

— «Видно, свыше преднисано этому бышь!» опвѣчалъ Могаремъ со вздохомъ и оборопилъ глаза къ Англійскому кораблю. Спрашное пламя промелькнуло по его бокамъ; но залпъ пропзвелъ слабое дѣйшвіе : только пѣ-

сколько снастей было сорвано и нѣ-
сколько рей сбито.

— «Теперь за нами очередь!» вскрик-
нулъ Ренегатъ. «За нами!» подхва-
щили всѣ, у кого было оружіе въ ру-
кахъ, — и ружейный залпъ данъ былъ
прежде и послѣ пушечнаго залпа съ
корабля Могаремова.

Сей первый залпъ, пущенный въ
двадцати шагахъ распоянія и мѣш-
ко направленный, былъ ужасенъ. Азія
видимо была попрясена: верхи мачтъ
ея наклонились и ключья парусовъ по-
летѣли по воздуху. «Смѣлѣй, дѣши!»
вскричалъ Ренегатъ. «Заряжай пушки!
Посылай имъ новый градъ ядеръ!»

Но голосъ его шерялся среди неи-
сповыхъ воплей сего дикаго много-
людства, и въ безумномъ ихъ ревѣ
слышно только было: Алла! Алла!»
Одни выдсргивали свои сабли, какъ
будто вызывая Европейцевъ на руко-

пашный бой, другіе выспавляли головы изъ *портовъ*, чпобъ видѣшь, какъ непріятельскій корабль пойдетъ ко дну; ибо не сомнѣвались, что совѣмъ его разгромили. Немногіе полько принялись снова заряжать пушки; но и шѣмъ помѣшали въ ихъ усиліяхъ прочіе, пришедшіе въ изступленіе отъ пріемовъ опіума и бѣгавшіе вдоль бапшарей, махая саблями съ кликомъ войны.

Тогда Англійскій корабль далъ впо-рый залпъ, и энопъ былъ вѣрнѣе направленъ; сорокъ ядеръ обили борты корабля Египетскаго и пробили его бока. «Алла, Алла!» повпорилъ экипажъ. Офицеры, бывшіе на верхней палубѣ, бросились внизъ приказывать, чтобы снова начали пальбу; но отъ поспѣшности, съ какою спарались выполнить ихъ приказанія, нѣсколько зарядныхъ карпузовъ загорѣ-

лось. Пожаръ вспыхнулъ. Безпорядокъ и ужасъ разсѣялись по всему кораблю, и едва нѣсколько выстрѣловъ отвѣчали на частые залпы непріятеля.

Цѣпныя ядра Англійскихъ пушекъ съ свистомъ лезали надъ палубой Гассанъ не склонялъ головы и лице его выражало только холодное вниманіе. Стоя на кормовой часпи корабля, онъ приспально смотрѣлъ на Азію. Но облако дыма мѣшало взорамъ его проспирашьяся вдаль. Иногда только, мгновенный просвѣтъ позволялъ ему видѣшь красный флагъ съ осмиконечнымъ крестомъ, и тогда онъ замѣчалъ Адмирала Кодрингтона, съ сложенными на-крестъ руками и яснымъ челомъ, столь спокойнаго среди опасностей, какъ будто бы мундиръ Англійскаго Адмирала былъ непроницаемой эгидой.

Черезъ десять минушъ бипвы, всѣ мачшы Египетскаго корабля рухнули, и корабль, лишенный снастей, пожираемый пламенемъ и обрызганный кровью своихъ защитниковъ, поплылъ дрейфомъ къ берегу.

— «Ну, Гассанъ!» сказалъ Могаремъ: «вошь что надѣлало швое безразсудство.»

Ренегашъ указалъ ему рукою на мачы суда, сославлявшія собою вторую линию. «Тамъ есть еще пушки,» ошвѣчалъ онъ хладнокровно, и не плодя рѣчей, бросился вплавь съ корабля.

ГЛАВА XXVII.

Между шѣмъ корабли Христіанскаго флота одинъ за другимъ проходили по Форвашеру, и, не смолря на ужасную пальбу, копорую должны были выдерживать, спановились въ боевой порядокъ въ гавани и всшупали въ сраженіе. На лѣво шолько малое число фрегатшвъ удерживали Турокъ; но въ центрѣ Россійская эскадра начала сильно подкрѣплять Англичанъ, шогда какъ направо не доставало уже мѣста для Французскихъ судовъ, чшобы вышянушь всю свою морскую силу. Адмиральскій фрегатъ и два линейные

корабля одни только стояли лицомъ къ лицу прошивъ Египетской эскадры: позади, шрепій корабль, Сципіонъ, стоялъ за форваперомъ и съ обоихъ бортовъ палилъ по второй непріятельской линіи, по острову и по цитадели.

Дармушъ и многія легкія суда въ это время нападали на брандеры, и успѣли ихъ одинъ за другимъ испребишь, потушить или направить въ иную сторону. Одинъ только опъ нихъ ускользнулъ : управляемый людьми безспрашными, онъ опразилъ всѣ мѣлкія суда, спаравшіяся съ нимъ сѣвшияся, и быспро понесся къ тому Французскому кораблю, которому опдаленность опъ прочихъ не дозволяла получить скорую помощь. Онъ сѣвился съ нимъ, и пламя брандера мигомъ объяло корму корабля, пожирало его снаси и разлилось по бапшаре-

ямъ. Трикрашно пламя его обхвапывало, и прикрашно неуспрашимый экипажъ успѣвалъ гасить его. Громъ пушекъ его не былъ прерванъ ни на минушу и ни одинъ изъ моряковъ и канонеровъ не сошелъ съ своего мѣста, хоня казалось, что пламя окружало ихъ опвсюду.

Ужасное сіе зрѣлице какъ будто бы пріоспановило бипву, и сей одинокій корабль, горѣвшій посреди гавани, не прешавая подаванъ примѣръ оспальному флоту и испреблять всѣхъ враговъ, бывшихъ вблизи его, поражалъ спрахомъ, изумленіемъ и удивленіемъ и Хрисціанъ и варваровъ. Въ четвертый разъ вспыхнулъ пожаръ : спрашннй взрывъ оболотъ весь корабль сполпомъ огня и дыма : вопль ужаса раздался съ прехъ эскадръ. . . Но спустя нѣсколько минушъ безвѣстности, дымъ разсѣялся и тогда увидѣли Фран-

дузскій флагъ, все еще величественно развѣвавшійся на верху мачты Сципіона. Хотя огонь опалилъ и прожегъ передовую часть корабля; но искуснымъ манёвромъ остановленъ былъ пожаръ, ибо сила вѣтра была противопоставлена силѣ пламени : брандеръ одинъ взлетѣлъ на воздухъ.

Для цѣлаго флота было какъ бы знакомъ побѣды, когда онъ увидѣлъ снова сей прекрасный корабль, единымъ чудомъ хладнокровія, испува и смѣлоспи спасенный опъ пожара. Три эскадры опвѣсповали на сіе новыми усиліями : Рускіе и Англичане въ конецъ разгромили всю первую линию Турецкую; Французы съ такимъ же успѣхомъ разбили корабли Египетскіе, и Адмиралъ, подававшій имъ собою примѣръ опваги, врѣзавшись съ однимъ фрегатомъ между брадерами, цинаделью и всѣмъ непріятельскимъ

флоромъ, презрѣвъ почти неизбѣжную смерть для чести своего флага, наналъ пакъ близко и съ такою яростию на ближайшій корабль, что не смотря на неравенство силъ и невыгоды своего положенія, разстрѣлялъ его въ одну минушу. Опчальные варвары подождли у себя порохъ. Взрывомъ сломило двѣ мачты побѣдоноснаго фрегата. Разпусти паруса на послѣдней мачтѣ, обломанный, но все еще грозный фрегатъ, пошелъ впередъ искать новыхъ себѣ противниковъ.

Сраженіе длилось два часа, и по видимому, было кончено испребленіемъ всей первой линии Магомешанъ. Опъ кораблей Капишанъ-Беева и Могарева плавали только пламенѣвшіе ошавы; большая часть другихъ большихъ судовъ были пущены ко дну или взорваны на воздухъ : самыя крепости уже слабо палили. Одна только

ципадель отвѣчала еще на частые выстрѣлы и залпы кораблей. — Мгновенно громъ пушекъ снова раздался внупри гавани — и бизань-мачта Азіи упала. Малыя суда вѣпорой Турецкой линен возобновляли бипву. Такая дерзость изумила Европейцевъ. Они не могли понять, какимъ образомъ галеры и бриги осмѣливались вступать въ бой съ флопомъ, одержавшимъ споль блиспанельную побѣду. . . . Они не знали, что человекъ, принявшій на себя самовольно командованіе сими судами, человекъ, который вдохнулъ свою отвагу въ окружавшихъ его, и котораго умъ измѣрилъ средспва, оспававшіяся его сподвижникамъ, — сражался не для побѣды, а для того, чтобы сразиться и умереть.

Въ семь новомъ сраженіи, Христіане потерпѣли уронъ больше прежняго. Особливо Англичане, прошивъ кошо-

рыхъ лично дрался Ренегашъ, потеряли много людей и почти всѣ свои снаспи. Корабли ихъ, уже очень избитые въ началѣ дѣйствія, съ трудомъ двигались для опраженія сего новаго непріяшеля. Паспававшій мракъ ночи былъ причиною, что удары ихъ не столь были мѣпки, а превосходство ихъ не столь неопразимо. Ошъ того пальба продолжалась до осьми часовъ вечера. Коль скоро непріятели перляли какой-либо галепъ или бригъ, пошчасъ его закигали и уходили на другїя суда. Ужасную каршину представляла почная сія битва, освѣщаемая двадцашью пожарами вдругъ и возобновившаяся по всему проспранству гавани. Съ обѣихъ сторонъ замѣшны были кака-то безвѣстность и замѣшательство, умножавшія ужасъ сего позорища; и когда послѣднія суда варваровъ были испреблены, когда

баштарен острова и цитадели были уняты пальбою съ кораблей, — тогда какое - то печальное чувствованіе смѣшалось въ сердцѣ каждого съ восторгомъ побѣды : она была куплена дорогою цѣною!

ГЛАВА XXXI.

Когда Гассанъ пошелъ ночью въ шапурь Ибрагимовъ, наканунѣ сраженія, то оставилъ брата своего наединѣ съ прекрасною плѣнницей. Но разговоръ сихъ двухъ любовниковъ былъ печаленъ : такъ было жестоко ихъ положеніе, что они даже въ будущемъ не предвидѣли для себя ни одной минуны покоя, ни одной мечны счастія.

— « Клеона, » сказалъ Эдуардъ, « намъ остается еще одно средство. Родольфъ рѣшился нести смерть на корабли, на которыхъ будутъ находиться братья его... но не на шѣ, гдѣ будутъ

дѣва, имъ любимая. Пойдемъ! убѣжимъ опсюда вмѣспѣ; приведемъ его въ невозможность ополчиться пропивъ своихъ соопечественниковъ : пожертвованіе всѣми нашими надеждами загладишь попомъ сію измѣну.

— « Нѣтъ, » опвѣчала она, опворопя голову; « нѣтъ! такой ударъ былъ бы слишкомъ жестокъ. Гореснь его была бы непреодолима!

— « Но опъ какихъ укоровъ совѣспи мы бы его избавили!

— « Ужели ты хочешь, чпобъ я обманула его благородную довѣрчивость?

— « Я хочу его спасти, во что бы ни спало! Пойдемъ, Клеона : извѣдаемъ еще это средство. Пойдемъ за мною! »

Юная дѣва поколебалась; однако же все еще пропивилась и не хотѣла ипши за нимъ. Но тогда, какъ она была такимъ образомъ въ борьбѣ съ

своимъ любовникомъ, и можешъ бышь съ самой собою, невидимый соглядатай слѣдовалъ окомъ за всѣми ея движеніями: по былъ евнухъ Огуль, копорый, услышавъ шумъ въ палашкѣ по уходѣ своего господина, тихо прокрался съ любопытствомъ невольника и беспокойствомъ шюремщика. Спрятавшись за занавѣсью, копорою задерживалась палашка, увидѣлъ онъ молодаго Француза на колѣняхъ передъ Клеовой, и задрожалъ отъ негодованія. Онъ выхватилъ свой кинжалъ, бросился на дерзновеннаго, осмѣливагося обольщать невольницу Гассанъ-Бел, и поразилъ его. Но рука прекрасной Майнопки опвела ударъ столь быстро, что успѣла спасти жизнь Эдуарда. Она только сама была ранена : остріе кинжала впилося въ ея бѣлую, нѣжную руку, и евнухъ, обрапя на нее всю

свою злобу, грозилъ смерпоноснымъ орудіемъ пронзить ея грудь.

Эдуардъ эпо видѣлъ. Ему и въ голу не пришло, что сей презрѣнный полу-человѣкъ былъ беззащитенъ, что его легко можно было схватить и обезоружить : онъ видѣлъ только, что любезной его грозило смертью пвореніе свирѣпое и гнусное, — и шпага юноши съ быспропою молніи повергла къ его ногамъ евнуха, залишаго своею кровью.

— « И чтобъ я оспавиль себя хоть на минушу съ этими варварами! » вскричалъ онъ, прижавъ къ сердцу своему прекрасную плѣнницу. « И чтобъ недоспойныя этѣ руки еще посягнули на жизнь пвою! — Нѣтъ, Клеона! или намъ должно вмѣстѣ удалиться, или я оспаюсь здѣсь, чтобъ защищать себя пропиву всѣхъ ихъ. »

Еще впервые молодая Гречанка увидѣла своего любовника въ такомъ сильномъ испувленіи гнѣва. Онъ дрожалъ, щеки его были блѣдны, брови нахмурились, глаза сверкали: по былъ уже не Эдуардъ, но самъ Гассанъ, съ его непреклонною волей, съ его неукрошимымъ гнѣвомъ.

— « Я иду съ тобой, » молвила она и покраснѣла, чувствуя, что сердце ея препешало.

Молодой офицеръ бросился къ столу, на которомъ лежали нѣсколько бумагъ и Писторія одного великаго человѣка. Неповѣрдою рукою, онъ написалъ слѣдующую записку: « Родольфъ! « Клеона пивоя. Не подвергайся опасности « сии умершвишь ее, сражаясь съ « Французскимъ флотомъ. »

Начерпавъ сіи немногія слова, онъ набросилъ себѣ на плеча военный

плащъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ пробишый пулями Англійскимп и Прусскими; попомъ, болѣе влача, нежели ведя съ собою Клеону, онъ ушелъ съ нею изъ палашки.

ГЛАВА XXIX.

Они поспѣшно пробѣжали спанъ Нубійцевъ. Ни одинъ часовой не оспановилъ ихъ; ибо Гассанъ не хотѣлъ ввести въ своемъ войскѣ рабскаго подражанія дисциплинѣ Европейской. Посему оба любовника свободно вышли на равнину, и направляя побѣгъ свой по печенію звѣздъ, хотѣли спуститься къ берегу.

Ночь была темна; и хотя глазъ молодого моряка былъ привыченъ видѣть и въ пошмахъ, но съ трудомъ могъ онъ избѣгать всѣ преграды, встрѣчавшіяся на пути. Рвы, обрушенныя

спгъны, обломки упесовъ и срубленныя деревья оспанавливали ихъ ежеминутно. Надобно было вскарабквашься на удачу, подвергашься опаснымъ паденіямъ или возвращашься на прежніе слѣды. Одинъ бы онъ на все пустился; но съ Клеоной, сдѣлался онъ робокъ.

Больше часа уже шли они, какъ вдругъ шумъ, подобный попопу многихъ лошадей, послышался вправѣ. Они оспановились и бросились на песокъ, чтобъ не бышь замѣченными. Всадники скакали прямо къ нимъ. По Турецкому обычаю, они не соблюдали никакого порядка въ походѣ. Большая часть ѣхала по пробитой дорогѣ; но многіе оспбивались ошъ нея по своей прихоти и пускали во всю скачь лошадей своихъ, довѣряясь оспрому ихъ зрѣнію и вѣрному чупью.

Нѣсколько разъ нерегулярныя опряды проскакали мимо двухъ бѣглецовъ; и всякой разъ Эдуардъ шрепспаль Ему было больно, что не могъ онъ явно защищать свою любезную, и рука его невольно хваталась за шнагу. Но Клеона удерживала его, и опасность скоро проносилась.

Уже большая часть всадниковъ удалась, и молодые люди собирались продолжать свой путь. Вдругъ новый опрядъ приблизился, и эпопъ несся прямо на нихъ. « Не бойся, милый Эдуардъ! » прошептала Гречанка: « лошади не сдѣлаюпъ намъ никакого зла: ихъ дивное чутье не допускаетъ ихъ топтать даже мершвыхъ. »

Молодой Французъ самъ эпо зналъ. Онъ рѣшился было остаться недвижнымъ; но какой человекъ вооружился бы холодною твердостью, оставя на произволъ и на природное побужде-

ніе живошны хъсохраненіе сущеснва, ему милаго? Волосы спали дыбомъ на головѣ Эдуарда, когда лошади приблизились. Онъ вскочилъ внѣ себя и обнажа шпагу, рѣшился защищать Клеону или умереть за нее.

Опважный юноша былъ одинъ прошивъ цѣлой шолпы шѣхъ наѣздниковъ, коннорыхъ Турки называютъ *Делибашами*. Шпага Французская разлетѣлась оупъ булашной сабли, и двадцать непрятелей окружили двухъ бѣглецовъ. — Они взяпы были въ плѣтъ.

ГЛАВА XXX.

Туркамъ не было времени допрашивать плѣнниковъ. Они подняли свои сабли. Любовники погибли бы неизбежно, когда бы начальнику сего опрѣда не пришло вдругъ на мысль подозрѣнiе. «Постойте,» закричалъ онъ своимъ Дели-башамъ: «можетъ бышь, опопъ Гяуръ какой нибудь бѣглець. Казнь опъ сабельнаго удара была бы для него легка.»

Ихъ связали. Двое наѣздниковъ посадили ихъ за собою на коней, и они были разлучены и увезены во внутренность края, не могли передать

другъ другу ни слова и не находя даже силъ взглянуть другъ на друга.

Къ утру опрядъ оспановился. Плѣнникамъ не дали никакой пищи. Увы! имъ не было въ ней нужды.

Одинъ изъ Дели-башей подошелъ къ Эдуарду. То былъ Албанецъ, сынъ одного изъ племенъ самыхъ загроубѣлыхъ, не исповѣдующихъ вѣры ни Христіанской, ни Магомешовой. Онъ положилъ тяжелую свою руку на плечо молодого офицера и грубо пряхнувъ его, сказалъ : « Франкъ! мнѣ казалось, что ты не боишься смерти? »

Французъ посмопрълъ на него съ удивленіемъ. Ни голосъ, ни черты лица сего челоуѣка не были ему вовсе незнакомы; со всѣмъ тѣмъ, онъ не могъ вспомнить, гдѣ видалъ его.

— « Ты ужь и не узнаешь меня! » продолжалъ наѣздникъ, наклонившись къ нему на ухо. « Я былъ съ шобою вмѣстѣ

въ Миссолонги... Тогда я и не зналъ, что и ты также перешелъ къ Магомешанамъ.

— «Предатель!» проговорилъ Эдуардъ и съ презрѣніемъ опворошилъ голову.

— «Ты не слишкомъ хорошо принялъ свои мѣры на эпошъ разъ,» промолвилъ Албанецъ съ видомъ соспраданія; ибо онъ не думалъ ему сдѣлать ни малѣйшаго оскорбленія, подозрѣвая его въ измѣнѣ. «Если бъ я узналъ шебя въ эту ночь, то сабля моя избавила бы шебя отъ опасности бытъ посаженнымъ на колъ... Теперь уже поздно. Смопри же: будь пвердъ и умри, какъ удалый человекъ. Я пошпаряюсь прихоронить пвой прупъ.»

Черты лица юноши приняли другое выраженіе. Онъ дивился, нашедъ какое-то великодушіе въ эпомъ человекъ, для котораго измѣна была не

больше какъ игрушкой. « Другъ! » опвѣчалъ онъ ему : « благодарю тебѣя. Я нисколько не забочусь о томъ, что будешь съ моимъ пѣломъ. . . Но если ты хочешь услужишь мнѣ, » — и голосъ его измѣнился, — « по скажи, куда эти люди увели мою спутницу? »

— « Она шаговъ на сто впереди, » опвѣчалъ Албанецъ : « они привязали ее къ фиговому дереву, которое одно только и есть во всей здѣшней окрестности. Ты можешь видѣшь опсеюда верхи его вѣтвей. »

Эдуардъ хотѣлъ сдѣлать ему еще вопросъ; но въ этотъ разъ слова замерли у него на губахъ, и только взоръ выразилъ посылку его сердца.

Албанцу казалось, что онъ опгадалъ намѣреніе Француза. Онъ вздернулъ вверхъ плечами и сказалъ : « Ничѣмъ нельзя ее спасти. Она умретъ, какъ и ты, хотя бъ была прекраснѣе вся-

кой Черкешанки. Паша неумолимъ, и шопъ, кто осмѣлился бы приподнять даже покрывало осужденной женщины, не сносилъ бы долго головы своей на плечахъ.»

Слова сіи не только не огорчили; но какъ будто бы уполнили горесъ молодого человѣка. Клеона умирающая была бы для него зрѣлищемъ не столько ужаснымъ, какъ Клеона поруганная.

Албанецъ опошелъ опъ него, боясь пробудить недовѣрчивость своихъ поварихей. Спустя малое время, отрядъ отправился въ дальнѣйшій путь, не смотря на зной солнечный.

ГЛАВА XXXI.

Было около двухъ часовъ по полудни, когда Дели-башни прибыли къ мѣсту своего назначенія; ибо они сбились съ дороги. Они остановились на скалахъ горы, гдѣ находилось уже становище прочихъ войскъ. Для Ибрагима наскоро поставленъ былъ шатеръ. Сидя у входа онаго среди нѣсколькихъ чиновниковъ, молодой Паша, по видимому, приспально смотрѣлъ на гавань Паваринскую, обрисовывавшуюся на краю равнины : тамъ онъ спросилъ зрѣніе Паши различало всѣ корабли его флота.

Къ нему привели плѣнниковъ. Бывъ разлучены на нѣсколько часовъ, любовники свидѣлись наконецъ снова, и въ сію первую минуту видѣли только другъ друга. Мрачная горестъ изображалась на лицѣ юноши : онъ самъ былъ причиною бѣдствія своей любезной ! Клеона соблюдала благородное свое равнодушіе. Черные глаза ея сладостно были устремлены на того, котораго въ несчастіи сдѣлался для нея какъ будто бы еще милѣе. « Эдуардъ, » сказала она въ пол-голоса, увидя его блѣднымъ и унылымъ : « Эдуардъ ! мы Христіане ! » И надежда нездѣшняго міра озарила прелестное лице ея, какъ лучъ безсмертія.

Ибрагимъ самъ началъ говорить съ молодымъ Французомъ. « Кто ты таковъ ? » спросилъ онъ : « и какъ попался въ руки моихъ Дели - башей ? »

Сей повелительный голосъ привелъ Эдуарда въ себя и возвратилъ ему прежнюю твердость. « Паша, » отвѣчалъ онъ, не опустя глазъ : « я офицеръ Французскаго флота, и пробрался въ твой станъ для выполненія одной обязанности. »

Полководецъ Египетскій молчалъ съ минушою. Ему непрудно было разгадать, какого рода порученіе долженъ былъ выполнить Французскій офицеръ въ его станъ; и можетъ быть онъ не вовсе былъ чуждъ удовольствія, нашедъ случай отмстить за оказанную ему измѣну. Но гордая душа его ощущала какое-то доброжелательство къ сему неуспрашиваемому непріятелю, и гнѣвъ, сначала возволновавшійся въ немъ при отвѣтѣ Француза, длился только на мигъ.

— « Эта женщина была съ побоею? » сказалъ Паша, указывая на Клеону.

Впервые ложь вылетѣла изъ устъ молодого офицера. « Я увелъ се насильно, » отвѣчалъ Эдуардъ : « она неволь-но пошла за мной. У меня было ору-жїе и я грозилъ ей. »

Молодой Паша не могъ удержаться опъ улыбки, и голосомъ уже не споль суровымъ молвилъ : « Французъ ! ты не измѣняешь характеру своего народа ! Ты не хотѣлъ нарушить правды для спасенія своей жизни, а теперь безспыдно лжешь для спасенія женщины ! Но скажи мнѣ : когда ты прокрался между моими солдатами, зналъ ли тогда, что свои единоземцы хотяшь напастъ на меня ? »

— « Я думалъ пакъ, » отвѣчалъ цѣвникъ.

— « Такъ ты какъ лазушчикъ, или какъ повѣренный гнуснаго предашельсшва пробрался въ мой спашъ ? »

Эдуардъ съ негодованіемъ попрыскалъ головою; но не отвѣчалъ ни слова.

— « А какъ въ Европѣ наказываютъ неприятели столь дерзкаго, какъ ты? » продолжалъ Ибрагимъ.

— « Смертью, » отвѣчалъ спокойно молодой человѣкъ. « Ты имѣешь полное право лишить меня жизни; но эта женщина невинна. Ее любятъ одинъ изъ храбрѣйшихъ твоихъ военачальниковъ. . . . и она его любитъ. . . . Пощади ее. »

Клеона бросила на него болѣзненный взглядъ. « Эдуардъ, » сказала она: « мало ли времени были мы разлучены? Зачѣмъ всѣ эти ухищренія? Для меня не будетъ бѣдствіемъ смерть, долженствующая насъ соединить. »

Когда она договаривала сіи слова, отдаленный звукъ перваго пушечнаго выстрѣла слабо отозвался въ ущельяхъ горы. Ибрагимъ вдругъ вспалъ,

чтобъ лучше видѣть то, что произ-
ходило въ гавани, и скоро зрѣлище
бишвы совсѣмъ заняло его вниманіе.
Плѣнники, какъ будто забытые всѣми,
остались при немъ.

ГЛАВА XXXII.

Многочисленность судовъ, спѣсившихся въ гавани, быстрое движеніе, совокупность нападенія на разныхъ пунктахъ, производили въ бывшихъ на судахъ или въ толпившихся на берегу нѣкоторое замѣшательство, не позволявшее имъ правильно судить о всей битвѣ. Каждый замѣчалъ то, что происходило передъ его глазами; но только съ высоты соседнихъ горъ можно было слѣдовать глазомъ за всеми подробностями и постигать ихъ. Офицеры Ибрагимовы, выпянувъ шею впередъ, съ разинутымъ ртомъ глядѣли

на борьбу кораблей внутри гавани. Самъ онъ, лучше другихъ судя о томъ, что должно было рѣшить бой, при-спально смотрѣлъ на форваперъ и на брандеры. Неразъ онъ ласкался надеждой, что огонь съ крѣпости и съ острова и разрушительное дѣйствіе зажигательныхъ судовъ, удержавъ ту часть союзнаго флота, которая не вошла еще въ бухту. Онъ улыбнулся, увидѣвъ, что носъ корабля : Сципіонъ, объявъ былъ пламенемъ, и скакнулъ отъ радости, когда залпъ съ крѣпости сбилъ мачты на Рускомъ адмиральскомъ кораблѣ. Онъ ожидалъ вѣрной побѣды. Дымъ, подобно шапру нависшій надъ сражавшимися, скоро помѣшалъ ему видѣть долѣе.

Онъ оборотилъ глаза на плѣнниковъ: онъ увидѣлъ юную Гречанку на колѣняхъ, умолявшую праведнаго Бога за мстителей ея отчизны. Французъ

споялъ съ поникшей головою; опча-
леніе выражалось на лицѣ его. — « Не
бойся, » сказалъ ему Паша : « я оста-
влю тебя въ живыхъ, чѣмбъ хошь
одинъ человекъ разскажалъ Европейцамъ
о нашей побѣдѣ.

— « Ты обманываешься, Паша, » оп-
вѣчалъ ему молодой человекъ : сослу-
живцы мои сражающся шамъ, а я не
съ ними; вопшь въ чемъ мой спыдъ и
мое горе. — Но прежде, чемъ голова
моя упадетъ съ плечь, у тебя не
оспанется флота.

— « Онъ съумасшедшій! » сказали всѣ
ихъ окружавшіе. Одинъ Ибрагимъ былъ
пораженъ сею рѣчью, и мрачное пред-
чувствіе опечалило его сердце.

Густая шуча лежала надъ гаваиью;
но порою внезапный взрывъ разсѣкалъ
шму свѣпшою бороздою пламени. То-
гда Турки выпускали крикъ радости,
какъ будто бы только Христіанскіе

корабли могли взлетать на воздухъ.

Бой продолжался пять часовъ; и гордость поддерживала щещеславую ихъ надежду. Ни одинъ гонецъ не являлся изъ города: и какой бы человекъ осмѣлился принять на себя сію роковую вѣсть? Огонь ципадели пошухъ; красноватое зарево пожара одно только освѣщало среди мрака поприще битвы. Укрѣпленія, корабли, транспортныя суда — все было испреблено; а Турки все еще починали себя побѣдителями.

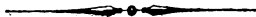
Вдругъ послышался спухъ отъ копытъ коня, несшагося во всю прышь. Всадникъ, покрытый кровью и пѣной, неузнаваемый никѣмъ, кромѣ Ибрагима, остановился подлѣ молодого Полковода, и съ челомъ, споль же самонадежнымъ, какъ будто бы онъ возвѣщаль побѣду: «Мы дрались!» сказалъ онъ.

— «И что же, Гассанъ?»

— « У тебя оспаеися войско!

— « Клеона!» возкликнулъ юный
плѣнникъ голосомъ счастливица : « Гре-
ція свободна, и онъ еще живъ!

— « Великъ и благъ Господь!» отвѣ-
чала она : « Эдуардъ мой! теперь намъ
оспаеися только умереть вмѣстѣ!»

ГЛАВА XXXIII.

Роковая вѣсть, принесенная Гассаномъ, поразила педомѣніемъ и ужасомъ военачальниковъ Египетскихъ и Турецкихъ. Они спояли, какъ окаменѣлые. Одинъ Ибрагимъ былъ спокоенъ. « Гассанъ Бей! » сказалъ онъ хладнокровно : « хвала Пророку, что сохранилъ мнѣ такога храбраго воина, какъ ты. » Попомъ, указавъ рукою на плѣнниковъ, копорыхъ восклицаніе удивило его, продолжалъ : « одинъ изъ твоихъ единопземцевъ пойманъ въ то время, когда украдкой уходилъ изъ моего лагэря. Ты знаешь законы Европейскіе : будь его судьбою. »

Воинъ спунилъ шагъ впередъ, и при свѣтѣ невольничьихъ факеловъ узналъ брата своего и Клеону.

— «Ты блѣднѣешь?» спросилъ Ибрагимъ : «тебѣ знакомъ онъ?»

— «Да, я знаю его,» ошвѣчалъ Гассанъ съ мрачнымъ взоромъ, между тѣмъ какъ оба любовника, съ краскою на челѣ, печально опустили головы внизъ. «Я знаю его : это предашель ; онъ заслужилъ смерть.

— «А эта женщина?» подхватилъ Паша.

Гассанъ вздрогнулъ. «Эта женщина,» сказалъ онъ голосомъ важнымъ и сильнымъ, «участвовала въ его презрѣнномъ покушеніи. Они упопробляли всякія хитрости, чшобъ опвлечъ война опъ его обязанноспей, оскорбленнаго человѣка опъ его меспи.... Она стоворилась съ нимъ, чшобъ эпого война, обезславишь ; погубишь, измѣ-

нишь ему. . . . Но въ чемъ мнѣ упрекашь ее? она женщина!» Здѣсь онъ опворопилъ лице съ видомъ презрѣнія.

— « Но кого же они оскорбили, Гассанъ?

— « Меня!

— « Хорошо. Такъ я опдаю ихъ тебѣ. »

Воннъ бросилъ на юнаго Полководца взоръ провицательный. « А если я буду сполько слабъ, что прощу ихъ?

— « Тогда я худо зналъ тебѣ, » опвѣчалъ Ибрагимъ.

— « Выслушай меня, Паша, » подхватилъ Гассанъ съ волненіемъ, измѣнившимъ черты лица и голосъ его. « Я много пролилъ за тебѣ крови : но чувствую себя не въ силахъ проливать кровь Француза. Рѣши шеперь : если ты хочешь наказать измѣнника, то прикажи. . . . Но если даръ, сдѣлан-

ный мнѣ побою, невозвращенъ, если мои заслуги (пусть онъ показалъ на кровавленную грудь свою), — если моя преданность имѣють хоть малую цѣну въ глазахъ своихъ.... То прости ему : онъ братъ мой!....»

Окончивъ сія слова, онъ впервые преклонилъ колѣно предъ сыномъ Али-Могаммеда. — « Они болѣе оскорбили тебя, нежели меня, » возразилъ юный Полководецъ : « тебѣ ни въ чемъ нѣтъ отъ меня отказа; пусть ихъ преступленіе останется ненаказаннымъ.

— « Нѣтъ, нѣтъ! » вскричалъ воинъ : « пусть они живутъ, но пусть угрызеніе совѣсти будетъ ихъ казнью. »

Руки плѣнниковъ были развязаны. Они не были преступны, и совѣсть имъ не смѣли поднять глаза на ихъ освободителя. Они подступили къ нему съ умоляющимъ видомъ, взяли его за руки : но его руки не отвѣчали

искреннему ихъ пожатію. Они искали его взора — и встрѣпили только взглядъ мрачный и печальный.

Ибрагимъ и сановники его удалились. «Родольфъ!» вскричалъ Эдуардъ голосомъ опчаяннымъ : «ужели сердце твое насъ не поняло?»

Онъ тихо опшолкнулъ ихъ : «День эпошъ былъ для меня великимъ днемъ,» опвѣчалъ онъ пропьяжно, какъ человекъ, опягченный спрашнымъ сновидѣніемъ. «Я увидѣлъ ихъ... ихъ Французовъ, которыхъ думалъ ненавидѣть... Они спояли грудь грудью прошивъ меня, — и я не сражался съ ними... И съ побой, Эдуардъ, былъ я слабъ: не могъ тебя наказашъ.— Можешъ бышь, я обманывался; можешъ бышь, ешь обязанности, священнѣ меспи! Но мнѣ уже не дозволено выбирать. Ты выбралъ спорону лучшую: я долженъ бышь вѣренъ шой, за которую

я сполялъ донынѣ. — Возвратись на свой корабль : черные мои невольники отвезутъ тебя туда. Пусть Клеона будешь своею супругой, и попеченіями своими усладишь послѣдніе дни стараго нашего опца. — Гассанъ будешь сражаться за Ибрагима до пѣхъ поръ, пока найдешь смерть и покойшвіе.»

Таковы были послѣднія слова вонна-Ренегаша. Оконча ихъ, онъ поспѣшно удалился, и съ той поры никогда имя его не раздавалось въ слухъ Эдуарда и его подруги. Но когда, чрезъ мѣсяць послѣ, *Сирена* благополучно доставила ихъ на берега Франціи, они нашли въ Тулонѣ у Англійскаго Консула посылку, привезенную на имя ихъ однимъ изъ легкихъ судовъ Іонійскихъ. Тамъ были дорогіе камни большой цѣны, и оружіе, которое носилъ Гассанъ.

ИМЕНА ОСОБЪ ПОДПИСАВШИХСЯ НА КНИГУ ПАВАРИНСКАЯ БИТВА.

- Генераль опѣ Инфантеріи и раз-
ныхъ Орденовъ Кавалеръ Графъ
Сергей Михайловичъ Каменскій,
въ Орлѣ. . . . . 1.
- Олонецкій Гражданскій Губерна-
поръ Дѣйств. Сп. Сов. и Кавалеръ
Александръ Ивановичъ Яков-
левъ, въ Пепро заводскѣ. . . . . 1.
- С. Пепербургскій купецъ Михайло
Андрѣевичъ Семеновъ, въ Спб. . 1.
- 5 Класса, Г. Тимофѣевъ, въ Спб. . 1.
- Оспашковской купецъ Семенъ Егго-
ровичъ Суслениковъ, въ Оспаш-
ковѣ . . . . . 1.
- Типулярный Сов. Новицкій, въ Спб. 1.
- Его Благородіе Лука Алексѣевичъ
Шаховъ, въ Бахмутѣ. . . . . 1.
- Генераль-Лейтенантъ Михаилъ Ме-
зенцовъ, въ Дорогобужѣ. . . . . 1.

II

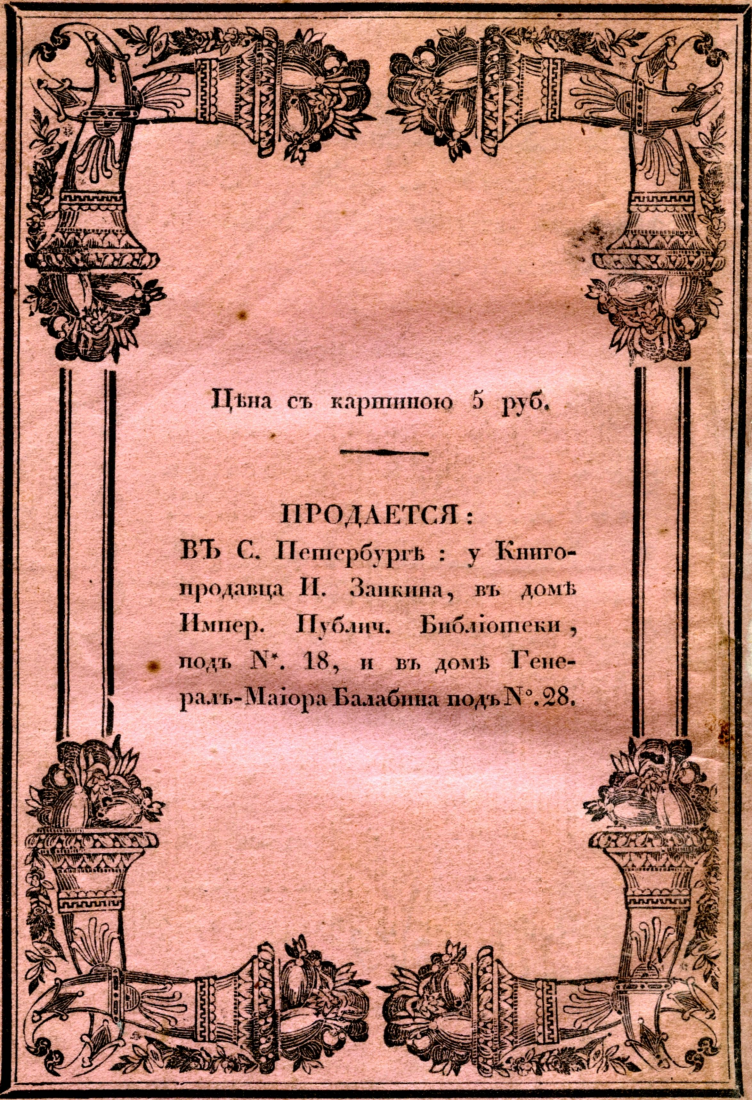
Книгопродавецъ Александръ Фили- повичъ Смирдинъ, въ Спб.	50.
Г. Ефремовъ, въ Спб.	1.
Въ лавку Андрея Глазунова, въ Спб.	25.
Книгопродавецъ Алексѣй Осиповичъ Свѣшниковъ въ Спб.	5.
Его Высокоблагородіе Николай Пав- ловичъ Гершовъ, въ Спб.	1.
С. Петерб. купецъ Николай Ива- новичъ Бобровъ, въ Спб.	1.
Библиошека Лейбъ-Гвардіи Москов- скаго Полка, въ Спб.	1.
Книгопродавецъ Иванъ Пенровичъ Глазуновъ, въ Спб.	25.
Вологодской купецъ Випушешни- ковъ, въ Вологдѣ.	1.
6 класса Товбичевъ, въ м. Тульчинѣ	1.
Генералъ - Лейпенанштъ Иванъ Ва- сильевичъ Чершковъ, въ Спб.	1.
Иванъ Спеблинъ-Каменскій, въ Пол- тавѣ.	1.

III

Директоръ училищъ Арханг. Губ. Василій Лукичъ Сильвеспрровъ, въ Архангельскѣ	1.
Его Благородіе Василій Николаевичъ Погожевъ, въ Вышегрѣ	1.
Шпабсъ-Капитанъ Полка Князя Барклая де Толли Аполлонъ Пав- ловичъ Шаблыкинъ, въ Новг. Губ. на спанціи Мшагу	1.
Иванъ Акинѣевичъ Любимовъ, въ Спб.	1.
Берггаупшманъ Николай Павловичъ Томиловъ	1.
Генераль-Лейтенантъ Павелъ А- поллосовичъ Наумовъ, въ Спб. . .	1.
Библіотека 19 Егерскаго Полка, въ Бѣлой Церкви	1.
Его Превосходительство Дмитрій Ларионовичъ Алексѣевъ, въ Ека- теринославѣ	1.
Василій Логиновичъ Тарлецкій ку- пецъ, въ Бобруйскѣ	1.

Цѣна съ каршиною 5 руб.

ПРОДАЕТСЯ :

ВЪ С. Пешербургъ : у Книго-
продавца И. Запкина, въ домъ
Импер. Публич. Библиотеки,
подъ N°. 18, и въ домъ Генера-
ль-Маіора Балабина подъ N°. 28.